

Прелести жизни книга первая мера жизни том-2

Александр Черевков

18+

Александр Черевков

Мера жизни Том-2

«Автор»

2024

Черевков А.

Мера жизни Том-2 / А. Черевков — «Автор», 2024

Нам хочется узнать о корнях нашей жизни. Истории и события большинства произведений не выдуманы автором. Всё имело место в реальной жизни. Многие герои указанных событий по сей день живут среди нас. Мы находимся с ними в одном измерении жизни. По разным уважительным причинам автор изменил некоторые имена и фамилии героев невыдуманных историй.

© Черевков А., 2024

© Автор, 2024

Александр Черевков

Мера жизни Том-2

ПРЕДИСЛОВИЕ

Александр Сергеевич Черевков, сын донского казака и терской казачки старинного рода Выприцких, родился в 1946 году в Старом хуторе станицы Кахановская (Вольная), ставшая к тому времени в Чечне городом Гудермес.

Автор объединил в одно собрание свои произведения разных лет в прозе и в поэзии. В своём собрании литературных произведений, трилогии «Прелести жизни» автор старается в свободной форме общения с читателем показать разные стороны окружающей нас жизни, которую порой не могут разглядеть герои произведений.

Прелесть жизни в том, что мы никогда не можем знать о конце своей жизни. Автор разбил свои литературные произведения на разные по жанру главы книг, которые носят собственные названия «Мера», «Цена» и «Смысл» жизни.

В первой книге охватывается период истории жизни терских казаков с конца 18-го века и до конца 20-го века. В этой книге герои многих событий пытаются определить меру жизни, которая так сильно запутана разными событиями жизни человека.

Порой героям произведений кажется, что эти вполне реальные истории и события жизни происходят рядом с другими людьми. Герои произведений стараются определить со стороны меру собственной жизни.

Автор произведений помогает читателю своим мышлением проникнуть в гущу тех событий, которые происходили на протяжении двух веков с героями разных истории, а также с потомками реальных героев, которым тоже хотелось определить меру собственной жизни на уровне происходящих событий. Настоящая жизнь настолько стремительна и разнообразна, что мы сами начинаем задумываться не только о мере собственной жизни, но также о цене и смысле жизни людей. Нам хочется узнать о корнях нашей жизни. Истории и события большинства произведений не выдуманы автором. Всё имело место в реальной жизни. Многие герои указанных событий по сей день живут среди нас.

Мы находимся с ними в одном измерении жизни. По разным уважительным причинам автор изменил некоторые имена и фамилии героев, не выдуманных историй.

Однако, ради правдивости, многие герои указанных историй и событий, носят собственные имена и фамилии. Таким образом, читатель может сам убедиться в реальности большинства прошедших событий, показанных в произведениях автора.

Читателю можно пообщаться с героями произведений живьём, через средства массовой информации, а также на местах происшедших событий.

Таким способом, читатель может сам проникнуть не только в историю описанных событий, но также реально окунуться в происходящие события.

В работе над произведениями трилогии использованы из Интернета географические карты, художественные открытки, а также собственные рисунки и стихи, семейные фотографии и документы из архива автора.

В произведения автора входят некоторые выдержки работ других авторов, на которые автор ссылается в своих книгах.

том-2

Глава-1. Моё детство

Детство – то место, куда имеют желание вернуться все.

Часть-1. Познание себя.

1. Война с фашистами.

– Моя поездка в консульство Франции в Москве не состоялась. – продолжила вспоминать Маня. – Началась война с фашистами. С первых дней объявления войны ушли на фронт все мужчины нашего большого рода терских казаков.

В Старом хуторе остались только старики, женщины и малые дети. Даже дети Нюси, близнецы, Саша и Лёня, которым не было ещё восемнадцати лет, подделали себе документы и сбежали на фронт.

К этому времени Нюся, будучи парализованной, с интервалом в четыре года, родила ещё две девочки, Надю и Тамару. Теперь у Нюси было трое сынов и три дочки.

Дочери остались дома, а трое сынов ушли на фронт защищать нашу Родину, Союз Советских Социалистических Республик, на которые напали враги фашисты.

Терские казаки решили отстоять свою свободу. Вот тут-то у нас начались самые зловещие дни нашей жизни. Все мужчины на фронте, который движется в нашу сторону, а на Кавказе обнаглели горцы.

Вспомнили времена имама Шамиля. Стали вооружаться против России. Жители Старого хутора, в самом центре Гудермеса, тоже стали вооружаться.

Надо было отстаивать родовое место, так как в Гудермесе начались грабежи и убийства. В памяти горцев, очевидно, остались эпизоды столкновений с нашим Старым хутором, когда мы им давали отпор.

Поэтому, возможно, на Старый хутор никто не нападал? Может быть, они просто уважали терских казаков, которые прожили рядом с ними три столетия?

Как бы там не было, но наш Старый хутор не подвергся нападению со стороны горцев. В город вошли регулярные войска Советского Союза. В течение одной ночи, солдаты погрузили чеченцев и ингушей в товарные вагоны.

Отправили их в голодные степи Казахстана. В те самые места, откуда они пришли, несколько тысяч лет назад, чтобы покорить Кавказ и всю Россию.

Терские казаки получили относительную свободу в отсутствии чеченцев и ингушей. Казаки выдвинули свои вооружённые отряды на линию реки Терек.

В это время на другой стороне Терека были наши враги, фашисты, которые решили покорить мир. Фашисты добрались и до терских казаков, которые уважали, прежде всего, свободу.

Казакам надо было отстоять свою независимость. Казаки всячески помогали регулярным войскам Советского Союза. Показывали места укрепления противников.

Вели разведку в местах фашистских войск. Совершали диверсии в тылу врага. Терские казаки переправлялись через реку Терек, в любую погоду. На другом берегу реки казаки вырезали кинжалами целые подразделения в фашистских частях. Не давали врагам покоя.

Как рассказывали военнопленные, бежавшие от фашистов, что немцы называли народы Кавказа дикими и дивизию, в которой служили солдаты Кавказа, также называли «Дикой дивизией» только за то, что они якобы воюют не цивилизованно.

Разве можно назвать любое убийство цивилизованным? Когда один народ, своей громадой, вооружённый самой современной техникой, идёт на другой народ с целью уничтожить его.

Поэтому, защищаться и остаться живым, все методы возможны. Так считаю. Нас так учили с детства, что надо давать отпор любому врагу, кто нападает, а после разбираться, кто прав, кто виновен.

Практика жизни терских казаков веками доказывала, что тот, кто вовремя защищается, оказывается прав всегда.

Поэтому терские казаки выжили в окружении горских народов, не были уничтожены за три столетия проживания на берегах реки Терек. Может быть, по этой причине фашисты не продвинулись дальше реки Терек?

Потому, что народ, постоянно боровшийся за свою свободу с царской Россией, с горцами и с другими иноземными завоевателями выстоял. Свободный народ не имел желание быть кем-то порабощённым.

Терские казаки гордились тем, что в который раз они отстояли свою независимость от порабощителей. С февраля 1943 года война с фашистами медленно пошла на убыль.

Мы продали и отдали все, что было ценного в Старом хуторе, включая и стадо белых лошадей, только бы быстрее закончилась ужасная война с фашистами.

Говорят, что даже командир конной армии Семён Будённый, имел белую лошадь из нашего стада лошадей, которых, долгие годы, выращивал наш Старый хутор, чтобы кормить свои семьи.

Терские казаки в который раз начинали налаживать свою жизнь. Война закончилась, но у нашего казачьего рода из Старого хутора, она продолжалась почти двадцать лет.

Никто из мужчин нашего рода не погиб на войне. Домой воины возвращались до середины шестидесятых годов. На то было много причин, не зависящих от наших мужчин.

Одни мужчины в плену и раненые за границей. Другие сидели в СССР. Но все равно все вернулись домой. Самый старший из внуков, Степан Ивлев, бежал из плена в 1944 году.

Воевал против фашистов в Румынии, Венгрии и Болгарии. Затем пешком добирался без документов домой. Степана Ивлева дважды задерживали в Европе и три раза в Советском Союзе, но он каждый раз убегал.

Однако в 1953 году Степан Ивлев пришёл домой в Старый хутор. Степану Ивлеву пять лет понадобилось доказывать, что он не верблюд, а терский казак, который прошёл всю войну от своего Старого хутора до Румынии и хочет жить у себя дома. Поверили ему только после смерти Иосифа Сталина. Иван Ивлев, был тяжело ранен в конце войны. Пять лет находился в госпиталях Германии. Ваню Ивлева нашли в развалинах Берлина обгоревшего, с многочисленными ранениями и потерей памяти.

Так как у него не было документов, а одежду выбросили американские санитары, которые подобрали его, то Ваню Ивлева приняли за местного жителя и передали в немецкий госпиталь.

Три года из-за контузии он не говорил и ничего не помнил. Когда к нему вернулись речь и память, то Ваню Ивлева год лечили и готовили документы к передаче русским в Восточный Берлин. Целый год он долечивался в русском госпитале Восточного Берлина. Ждал документы из Советского Союза к отправке домой.

Привезли Ивлева Ваню в инвалидной коляске в 1954 году. За три года мы поставили Ваню на ноги без вмешательства медиков. Благодаря Гурею, он стал нормальным человеком.

Начал самостоятельно ходить и вскоре женился. У него есть нормальная семья, в которой много детей и внуков по линии Ивлевых. Кирилл Выприцкий, был тяжело ранен в лесах Белоруссии.

Кирилла подобрали партизаны. Когда он вылечился, то воевал с партизанами против фашистов до прихода наших войск. Затем, с войсками прошёл до Праги, там опять был ранен.

После госпиталя остался в Советских войсках в Восточной Европе до 1955 года. Кирилл закончил службу и вернулся в Старый хутор в 1956 году. Дольше всех домой возвращался Фёдор Фисюков, старший сын Нюси, от первого брака.

Фёдор был танкистом. Дважды горел в танке. Дважды попадал в плен, каждый раз бежал из плена. В последний раз из плена Фёдор Фисюков перешёл тайком линию фронта и пришёл в свою воинскую часть.

Где его объявили погибшим, а похоронное письмо отправили домой в Старый хутор. Фёдор Фисюков рассказал всю правду своего пленения и побега из плена, вплоть до перехода линии фронта.

Но ему не поверили. Осудили военным трибуналом и отправили отбывать свой срок на остров Сахалин. К этому времени закончилась война с фашистами, но продолжалась война с японцами.

Фисюкову предложили сидеть срок в лагерях на Сахалине или в боях с японцами доказывать свою преданность Советскому Союзу. Фёдор выбрал войну с японцами.

Он прошёл с боями, на своём танке от Монголии до Жёлтого моря, через весь Китай. Опять Фёдор Фисюков был ранен в бою. Но после войны с японцами Фёдора не освободили от наказания, а отправили досиживать срок на острове Сахалин. Там он устроился механиком на торговый корабль. Федя проплавал на корабле до пятидесяти седьмого года. Побывал в странах Тихоокеанского бассейна. В том числе и в США.

После каждого своего прибытия в порт Сахалина, Фёдор Фисюков отправлял свои письма в Москву с одной просьбой, чтобы ему разрешили вернуться домой в Старый хутор. Но ему постоянно отказывали, а точнее, вообще не отвечали.

Когда 8-го марта 1960 года парализованная Нюся, в возрасте восемьдесят лет, отправила себя к предкам, Фёдор собрал свою семью и самовольно покинул место вынужденного нахождения.

Естественно, что на похороны своей матери он не попал. Приехала семья Фисюковых тогда, когда отмечали поминки Нюси. Обратно на остров Сахалин семья Фёдора Фисюкова не вернулась.

Остались жить на Северном Кавказе. Больше всего повезло во время войны близнецам, Саше и Лени Морозовым, сыновьям Нюси от второго брака.

Они прошли войну от Старого хутора и до Берлина. Не были ни разу ранены. Хотя служили в передовых частях «Дикой дивизии», в разведке. Расписались на стенах Рейхстага.

Вернулись братья-близнецы домой целыми и невредимыми. Вскоре они женились в один день на двух Татьянах. У близнецов в одно и то же время рождались дети, которым братья-близнецы, не договариваясь между собой, давали одинаковые имена – Вова, Юра, Наташа.

Список наших родственников, которые долго возвращались после войны с фашистами или были потеряны в военное время, можно было бы продолжать.

К середине шестидесятых годов все мужчины нашего рода нашлись. Оказалось, что никто из мужчин нашего рода не погиб за время войны с фашистами. Можно подумать, что сам Бог берег наших мужчин-защитников, терских казаков.

2. Последние годы жизни.

Сразу после отступления фашистов с Северного Кавказа, у нас в родовом Старом хуторе осталось жить много беженцев из Европы. Были в основном еврейские семьи.

Рядом с аулом, где жили раньше чеченцы, на развалинах бывшего хутора Ивлевых, в цыганских шатрах поселились румыны. Они уехали к себе в Европу сразу после окончания войны с фашистами.

Семья евреев из Европы жила, у нас в Старом хуторе до конца пятидесятих годов. Евреи тоже уехали в Европу. В эти годы Гурей занимался врачеванием и садоводством. Он приобрёл две пары куланов (диких ишаков). Стал разводить куланов прямо в нашем Старом хуторе.

Все смеялись над затеей брата, говорили, что он немного свихнулся от старости. Однако брат продолжал выводить куланов, стадо которых увеличилось с каждым годом.

– У диких животных целебное молоко и мясо, – говорил Гурей. – Мои куланы спасут много людей.

Брат оказался прав. Кто употреблял молоко, а также мясо куланов в пищу, тот никогда не болел. Мало того, когда в конце пятидесятих годов в горах Дагестана было сильное землетрясение.

Никакая современная техника не могла добраться до места землетрясения. Куланы из стада моего брата помогли перевозить по горным тропам продукты и медикаменты пострадавшим людям.

Тогда куланы, действительно, спасли в горах Дагестана много людей от неминуемой гибели. Затем правительство Дагестана с благодарностью вернули Гурею обратно всех до одного куланов.

После войны опять занялась поиском своих детей-двойни, которые к этому времени сами уже были стариками. Надеюсь на живучесть нашего казачьего рода.

Ведь естественной смертью из нашего рода умерли только папа и мама, которым было за девяносто лет. Из моего поколения после войны остались живы все.

Старшему брату Грише было сто лет. Младшей сестрёнке Нюсе семьдесят лет. Почему же не быть живыми моим деткам, которым всего по пятьдесят восемь лет от роду.

Им ещё жить и жить. Плодить детей и внуков. Надо обратно написать письмо. Переписка затянулась на годы. Писала в Красный крест, в консульство и в посольство Франции, в Организацию Объединённых Наций.

Ответов на мои письма ни откуда не получала. Все письма мои не достигали своей цели. Видимо после войны с фашистами таких людей было много. В канун своего столетия получила письмо из Франции, от Натали Валуа-Лебедева.

В письме сообщалось, что Иван Лебедев и Марья Валуа-Лебедева, погибли во время войны с фашистами в отрядах борцов Сопротивления против фашистов. Судьба Ермиловых неизвестна. Говорят, что они перебрались в Америку.

Письмо было написано на французском и русском языках. В конце письма была подпись на русском языке – «Я рада, что у меня в России есть прабабушка Маня (Мария). Ваша правнучка Натали Валуа-Лебедева». Вот так, в конце своей жизни, нашла своих деток, Ивана да Марью, в третьем поколении Валуа-Лебедевы.

Твёрдо знала, что мой род и там не прекратился. Возможно, что у меня во Франции были внуки и правнуки от моих детей, Ивана да Марьи? Была тому рада, что получила такой хороший подарок в канун своего столетия, к которому усиленно готовился весь наш многочисленный род.

Мы ждали возвращения Гурея, который был приглашён на девяностолетний юбилей, к своему другу по церковной службе на Кавказе, Патриарху Московскому и всея Руси Алексию-1. Естественно, что мы ждали и Алексея-1 гостем в Старый хутор.

Не отрываясь, мы следили за известиями в прессе и на телевидении за юбилеем Алексея-1. Но, какое было наше огорчение, когда мы услышали по телевизору слова Гурея, в которых он сказал, что религия и партия, это просто чушь.

Глупость, которую могли придумать люди. Мы все были в шоке, верующие и атеисты нашего рода терских казаков. Каждый из нас считал Гурея великим человеком среди религиозных людей. Никто из наших родных не мог поверить в то, что слышали.

– Это было ни так сказано. – ответил Гурей, когда приехал домой. – Там все переделали в звуке речи. Но не собираюсь оправдываться, доказывать перед всем народом правду сказанных мной слов. Пусть каждый останется при своём мнении в отношении к религии. У меня есть своя точка зрения насчёт любой партии, а также насчёт любой религии, которые придумали люди, а не Боги.

На наш столетний юбилей собрались родственники и станичники, которые дожили с прошлого столетия до нашего юбилея. Привезли и старшего брата Гришу, которому было почти сто двадцать лет.

Старший брат жил в то время после войны один в станице Каргинской. Гриша полностью не слышал и не видел, но по земле чувствовал от вибрации все звуки и отвечал на них своими ударами ног.

Можно сказать, что он изобрёл собственную азбуку вибрации, с которой Гриша неплохо справлялся. Позже он приучил к азбуке своих родственников, вернувшихся с войны, а также домашних животных.

Даже собака Ласка приходила к нему на его удары подошвой по земле, чтобы Гриша её погладил. Гриша и сам отвечал, на похлопывание подошвой ног по земле на расстоянии, когда его домашние приглашали кушать.

Он вставал с завалинки на улице, шёл в дом на обед или на ужин. Мы редко виделись со старшим братом. Сильно были заняты своим хозяйством.

– Мне приснился сон, – сказал Гурей, во время торжества нашего юбилея. – погибну от нашей старой хаты-мазанки, в которой родились многие терские казаки из рода Выприцких. Поэтому прошу родичей сломать хату-мазанку, которая по самые окна провалилась в землю. На месте мазанки надо построить нам с Марией любое пригодное жилище. Где мы оба доживём последние годы нашей жизни. В старой хате-мазанке жить совсем невозможно, там все давно сгнило.

– Да ты, что, Гурей! – возмутились родственники. – Эта хата-мазанка история нашего рода. Если тебе надоело жить в хате-мазанке, то можешь поселиться в любом доме своих потомков, которые живут по всему Северному Кавказу. Любой из нас будет рад принять тебя и Маню в своём доме.

До настоящего времени в Гудермесе нашу мазанку называют Старым хутором. Ты хочешь уничтожить память нашего рода. Мы все категорически не согласны с твоим решением. Ломать хату-мазанку не будем и тебе не советуем. Подумай над этим решением представителей нашего рода.

– Тогда хату-мазанку поломаю сам. – гордо, заявил Гурей. – Пускай вам будет стыдно, что столетний старик делает то, что могли сделать молодые родственники. С этого времени объявляю всем родичам протест. Больше с вами общаться не буду до самой своей смерти. Маня! Ты со мной?

– Поддерживаю своего брата полностью. – гордо, сказала ему. – В знак протеста буду постоянно ходить в таком платье, которое одевала в имении своего мужа, графа Фёдора Лебедева. Не сменю фасон своей одежды до тех пор, пока вы не осознаете плохой поступок перед своим предком.

Мы с Гуреем встали и демонстративно покинули банкет в честь нашего столетнего юбилея. Не могу точно сказать, кто из нас был прав, а кто нет, но с того самого времени мы оба перестали общаться со своими родственниками.

Мы собственноручно оборудовали под жильё сарай в глубине сада, который был нашим ровесником. На наш столетний юбилей родственники попросили, чтобы мы с Гуреем оделись так, как одевались люди в прошлом веке.

Гурей надел свою родовую черкеску. Надела своё шикарное платье со шляпкой и пенсне с графского гардероба. Так мы ходили все своё свободное время. Брат в черкеске.

У меня платье графини. В шестидесятых годах так никто не одевался. Горцы и те не носили черкески. На смену национальной одежды пришёл костюм.

Нас, вероятно, принимали как старых дураков. Но в нас кипела кровь терских казаков, которые всегда держат сказанное слово.

Возможно, что родственники тоже так считали, поэтому ни одна из сторон не хотела уступать другой несмотря на то, что между нами была разница в десятки годов? Такой протест длился долго. Гурей по саману разбирал хату-мазанку.

Когда брат уставал, то занимался изучением своих странных книг, которые обратно появились у него неоткуда. Часами он копался с деревьями в саду. Стирала нашу одежду и готовила пищу. Смотрела за нашим жильём.

– Хочешь отправиться со мной в неизведанный край? – однажды, спросил меня, Гурей. – Там с тобой мы увидим то, что обычным людям никому не дано было узнать. Окунёмся в мир совершенно иных понятий о земной жизни. Ты поймёшь, что мир имеет совершенно разные стороны жизни.

В этот раз тоже подумала, как наши родичи, что Гурей к старости лет окончательно свихнулся.

– Мне и тут хорошо живётся, – деликатно, ответила. – Давай мы лучше помиримся с родичами.

Гурей больше ни стал разговаривать со мной. Замкнулся в своём изучении странных книг. Он изредка подходил к хате-мазанке и разбирал очередные саманы.

Так потянулись последние годы нашей жизни. Мы с Гуреем понимали, что нет обратной дороги в прошлую жизнь и в будущее нам тоже все закрыто.

Мы были на перепутье, между жизнью и смертью. Может быть, именно в этом состоит мера жизни, о которой все годы думал Гурей? Такой сытый момент жизни, как кусок вкусного мяса – когда есть совсем не хочется и выбросить жалко.

Понимаю, что, возможно, это не совсем точное сравнение меры нашей жизни, но другого примера у меня нет? Мы жили, как могли. Старались угодить себе и людям.

Сами строили свою меру жизни. Никто не может упрекнуть нас. Со времени нашего юбилея прошло шесть лет. Гурей разобрал всю хату-мазанку.

Осталась только одна тыльная стена, которую можно было толкнуть рукой, чтобы она сама завалилась. Но, очевидно, у брата это был самый ответственный момент.

Прежде чем завалить последнюю стенку, Гурей решил помериться со всеми родственниками, которые жили в Гудермесе. Написал письма во все города и станицы Кавказа, где жили наши родственники.

Попросил меня отдать Библию и Евангелию самым верующим людям в нашем городе. Эти книги имели историческую и культурную ценность. Библии и Евангелии было несколько столетий.

Всего было в мире четыре пары подобных книг. Ни стала спорить с братом о ценности книг. Отдала две книги, Библия и Евангелия действительно, особо верующим людям, которые всю свою жизнь молились Богу. Затем, Гурей сходил в русскую баню, которую никто не хотел рушить, так как в ней купались. После бани, брат, оделся в нарядную родовую черкеску. Взял меня за руку и отвёл к железному бревну в конце сада. Там мы всегда делились своими тайнами, о которых больше никто не знал.

– Маня! Может быть, ты согласишься отправиться со мной туда, где все иное? – серьёзно, предложил мне Гурей. – Никому никогда не доверял этой тайны. Лишь тебе могу её доверить. Там все совсем по-другому. Мне будет скучно жить без тебя в совершенно другом измерении жизни.

– Нет, братик, не могу, – твёрдо, отказалась. – Здесь вся моя жизнь и возраст мой не позволяет ездить. Если бы ни моя старость, то давно поехала бы во Францию к своим внукам и правнука.

– Тогда езжай к Грише. – сказал Гурей. – Брат умирает. Хочет, чтобы именно ты к нему приехала.

Гурей сказал все это так серьёзно, что не могла ему не поверить и в тот же день отправилась в станицу Каргинскую к старшему брату Грише, которому было почти сто двадцать лет.

Перед моим отъездом Гурей разогнал всех родственников из Старого хутора на целый день. Он сослался на то, что у него сегодня ответственный день в жизни и ему надо быть одному, чтобы окончательно разобраться во всем.

Другого такого времени в его жизни больше никогда не будет. В станице Каргинской меня встретили со слезами. Сразу ни поняла, что случилось у них. Думала, что Гриша умер, не дождавшись меня.

Но старший брат наш был вполне здоров. Даже стал немного говорить со мной, чего раньше с ним не было. Постоянно молчал и что-то думал о своём.

– Маня! – сказал Гриша, когда потрогал моё лицо. – Гурей тебя обманул. Он покинул нас навсегда.

Руки брата задрожали. Из-под огромных белых бровей, которые свисали над глазами до щёк, потекли слезы. Затем Гриша крепко прижал мою руку и постепенно обмяк.

Рука брата медленно сползла с моей руки на простыню. Почувствовала, как замедляется пульс старческого сердца. Постепенно, в течение этого дня, жизнь моего старшего брата Гриши закончилась.

Больше брат ни сказал, ни слова. К вечеру Гриша умер. По просьбе Гриши, перед смертью, в этот же день хоронили его те, кто жил в этом доме и был с ним рядом. Гриша никого из родственников не хотел тревожить от повседневной заботы. Он хотел умереть спокойно для всех. У каждого своя мера жизни.

– Неделю назад, – рассказывали родственники на поминках Гриши, – он, вдруг, неожиданно заговорил. Сказал нам, что надо, срочно, сообщить сестре Марии, чтобы она не оставляла Гурей одного. У него такой ответственный момент, что он может покинуть нас или жить долго. Мы думали, что дедушка Гриша пришёл в себя перед смертью и плетёт всякую старческую чушь. Когда вы, бабушка Маня, приехали, то мы сразу поняли, что он действительно говорил правду. Мы на расстоянии поняли о потере среди наших родных. Очень жалею, что сразу не поверили словам своего деда.

Первым отправилась астраханским поездом в Гудермес. Когда пришла в Старый хутор, то увидела в нем много родственников. Все плакали. Прошла по всему двору и домам Старого хутора, но Гурей нигде не нашла.

Брата не было ни живого, ни мёртвого. Родственники тревожно и виновато смотрели на меня. Никак не могла понять, что случилось в Старом хуторе в моё отсутствие.

– Кто-нибудь скажет мне, где Гурей? – строго, спросила родичей. – Вы, что молчите, как рыбы?!

– Баба Маня! – начал говорить за всех Пётр Выприцкий. – Когда дедушка Гурей нас всех выгнал из Старого хутора, то стал ломать последнюю стенку в хате-мазанке. Вечером мы все пришли домой. Деда нет. Мы думали, что дед отправился к своим друзьям или на рыбалку. Но возле речки и у друзей его не было.

Мы обыскали весь Гудермес и все дома родственников, но деда не нашли. Тогда, на следующий день, мы разобрали по саманному кирпичику всю стену.

На краю стены нашли пучок его седых волос. В глубине сада нашли семь кучек пепла, возможно, что это осталось от семи странных книг, которые он сжёг перед смертью?

Среди вещей деда в сундуке нашли интересный лист с какими-то лицами и странными записями. Мы ни знаем, что здесь изображено. Пётр подал мне находку. Это был лист от странной книги, похожий на металлическую фольгу.

Стала изгибать лист в разные стороны и при ярких солнечных лучах увидела карту и какие-то неизвестные мне знаки с изображением двух лиц, мужского и женского. Возможно, это были лица Эль-русса и Лейлы? Так думаю, по той причине, что на обрывке обычного листа был перевод стихов с арабского языка –

В святых местах. Где пуп Земли.

Живёт моя любовь – Лейли.

В разлуке жизнь невыносима.

Пока душой не остыну,

Вернусь туда, к родному сыну.

Искали мы Гуря до конца месяца, но нигде его так и не нашли. Кто-то предложил похоронить то, что осталось от Гуря. Может быть, он опять явится, как в прошлом веке, в день своих похорон?

Вообще была против подобной затеи. Как можно похоронить того, кого нет в мёртвых? Взамен ничего другого не придумала. На необычные похороны без покойника собрались родственники, которые проживали в Гудермесе.

На свои импровизированные похороны брат не явился. Все присутствующие на похоронах поняли, что потеряли деда навсегда. Похоронили волосы Гуря и останки странных книг на родовом кладбище, рядом со всеми родственниками по линии Выприцких и Ивлевых, с которых и начинался на Северном Кавказе род терских казаков.

Теперь они все лежали рядом, кроме Гриши, который завещал похоронить себя в станице Каргинской, чтобы не возить его в Старый хутор. Видимо, Грише хотелось, чтобы Выприцкие продолжили свои корни в станице Каргинской.

Но, возможно, так, что брату Грише было все равно, где его похоронят родичи? Когда ни стало рядом никого из моих братьев и сестёр, то почувствовала себя совершенно заброшенной.

Рядом кипела другая жизнь, совершенно неизвестная мне. От моей прошлой жизни остались – сад с бревном, старенькая русская банька, столетний сарай, родовое кладбище, через речку Белку полусгнивший висячий мост, который был связующим звеном мирной жизни между терскими казаками и чеченцами.

За мостиком с левой стороны, на месте бывшего чеченского аула, старый кирпичный завод, из кирпича которого построили Гудермес. С правой стороны, от совхоза «Кундухова», холмики из развалин бывшего хутора Ивлевых, который был разрушен чеченцами.

Там до сих пор никто не решился строить жилье. По воскресным дням хожу на родовое кладбище, поправляю могилки родных. Тут лежит и Устин, мой бывший кучер и друг всей семьи.

Когда во время войны с фашистами Устин поехал с моей старшей сестрой Соней в лес косить траву своим лошадям, там на них напали чеченцы, пытались отобрать наших лошадей.

Силы были не равные. Чтобы спасти лошадей Устин обрезал стремяна от подводы и приказал лошадям галопом скакать в Старый хутор. Так мы узнали об опасности, грозящей Устину и Соне.

Станичники поскакали в лес, но было поздно. В лесу нашли истерзанные тела Устина и Сони. Рядом много крови от чеченцев. Тела Сони и Устина привезли домой. Тут же, целым отрядом конных казаков с оружием, станичники отправились на левый берег речки Белка в аул к чеченцам. Там станичники застали весь чеченский аул у трупов, которых поубивал Устин из моего бельгийского ружья и заколол чеченцев вилами.

Бельгийское ружье знали все чеченцы и терские казаки. Ружье было рядом с трупами чеченцев. Ружье служило вещественным доказательством того, что именно из этого аула были те убийцы, Устина и Сони, на которых напали в лесу.

Станичники плотным кольцом окружили чеченцев. Потребовали от них сдачи оружия. Когда чеченцы отдали оружие станищикам, казаки разрешили чеченцам провести исламский обряд похорон убитых.

После похорон казаки изгнали чеченцев из их аула. Казаки разрушили аул до основания и сравняли с землёй. После войны с фашистами, на месте бывшего чеченского аула, построили совхоз «Кундухова», куда вскоре после смерти Сталина из эвакуации вернулись жить чеченцы.

Соню и Устина похоронили рядом. Родичи не знали фамилии Устина, то написали на кресте Выприцкий. Иначе в Старом хуторе о нем никто не вспоминал.

Всем он был Выприцкий. Устин всем жителям станицы и Старого хутора был терским казаком. Бабушка Маня умерла через три года, после смерти дедушки Гурея, в возрасте сто девять лет.

Смерть её была глупой, конечно, умной смерть тоже не бывает. Бабушка Маня первый раз в своей жизни купила в магазине колбасу, поела её и умерла.

Похоронили бабушку рядом с могилой её брата-двойняшки на родовом кладбище терских казаков, за Гудермесом у берега речки Белка. Во время похорон бабушки Мани присутствующие на похоронах родственники заметили, что бабушка мёртвой выглядела значительно моложе своих лет и такой свежей на вид, словно она не умерла, а уснула.

Кто ранее был на похоронах родственников, доживших до столетнего возраста, то же вспоминали, что они также выглядели помолодевшими и на вид словно спящие, но только ни в коем случае не мёртвые.

Никто из присутствующих на похоронах своих столетних родственников не мог объяснить столь странного биологического явления в организме умерших родственников.

Можно было просто сделать для себя вывод, что таким образом все наши родственники переходили в мир иной, значительно помолодевшими, чтобы сохранить о себе приятное воспоминание.

3. Новое поколение.

Много лет не был в Гудермесе. Когда, в конце семидесятых годов, приехал в командировку на Северный Кавказ. Первым долгом отправился в Гудермес к родне.

С вокзала попал за рельсами железной дороги в городскую черту, откуда ранее был большой пустырь до Старого хутора, далее начиналось строительство новых поселений.

В пятидесятых годах Гудермес строился за вокзалом у Чёртовой горы. По неизвестной мне причине, строительство города в сторону Старого хутора не велось.

Возможно, что так горожане хотели сохранить историческое поселение терских казаков?

Может быть, препятствием к стройке жилых домов служило большое родовое кладбище терских казаков?

Ни у кого рука не поднималась разорить старинное кладбище. Как бы там не было, но к моему приезду по обе стороны железной дороги был огромный город.

После Грозного, по своей величине, Гудермес второй в Чечне. Откровенно говоря, сразу растерялся и не знал дороги до нашего родового хутора. Двигаться просто на восток, все равно, что искать выход в неизвестном лабиринте.

Решил спросить дорогу в Старый хутор у местных жителей. Никто из молодёжи не знал Старого хутора.

Побрёл в определённом направлении. По дороге догнал ковыляющую старушку.

– Скажите, пожалуйста, как в Гудермесе пройти к Старому хутору? – спросил, ветхую старушку.

– Откуда тебе известно это место? – с удивлением, лукаво, спросила меня, любопытная старушка.

– Там, когда-то, родился. – ответил, старушке. – Вот, сейчас, хочу посмотреть на это место.

– Так ты, что, Выприцкий, что ли? – настойчиво, допытывалась настырная старушка. – Ты, чей сын?

– Не Выприцкий, а Черевков Александр. – ответил ей. – Моя бабушка Нюся из рода Выприцких.

– Тогда ты и мой внук. – сказала настырная старушка. – Меня зовут баба Дина. Двоюродная сестра Нюси, по отцовой линии. У меня девичья фамилия Выприцкая. Замужем была

за Степаном Ивлевым. Живу в Грозном. Вот, приехала навестить своих правнуков, которые живут в Старом хуторе.

Старушка ещё долго вспоминала своих родственников по именам и фамилиям. Плёлся следом за ней и никак не мог вспомнить её, как нашу многочисленную родственницу, которую, возможно, видел всего один раз в своей жизни?

– Так вас хорошо помню. – вдруг, радостно, воскликнул. – Когда маленьким болел, то меня привозили в Грозный лечиться. Мы заезжали к вам в гости. Вы тогда жили в старом доме у крепости.

– И сейчас там живу. – ответила баба Дина. – Старые дома давно снесли. Мой дом, как крепость.

– Бабушка Дина! – громко, спросил её. – Сколько вам сейчас лет? Наверно, много лет исполнилось?

– Ты, внучек, не кричи, хорошо слышу. – хитро, ответила бабуля. – Родилась в прошлом веке.

Мы шли с бабушкой Диной по тем местам, где когда-то в далёком детстве бегал без штанов пацаном по траве, из Старого хутора на речку Белка, ловить рыбу и купаться.

Сейчас тут улицы и проспекты Гудермеса. Родовое кладбище терских казаков было стёрто с лица земли в конце шестидесятых годов. Можно сказать, что на костях терских казаков построили большой город.

На улице Дербентская дом-25, подходим к воротам и забору высотой больше двух метров. На воротах картинка с немецкой овчаркой и надпись: «Здесь злая собака».

Бабушка Дина нажимает на красную кнопку звонка. Звонок истерически долго и настойчиво звенит, никто к воротам не подходит. За воротами злобно рычит собака.

Затем раздаётся глухой лай старой собаки. Бабушка Дина продолжает нажимать на кнопку звонка, который пищит до хрипоты. За воротами что-то шелестит.

Вижу, как мелькает глазок, вмонтированный в доски ворот. Сильно лязгают стальные засовы и звенят цепи. Медленно открывается дверь, вставленная в огромные ворота. В открытую дверь высовывается большая голова старой собаки. Она начинает осторожно обнюхивать ноги бабы Дины.

– Во! Баба Дина с Грозного прибыла. – вялым голосом, объявляет толстый балбес. – Где сумка?

– Сумку оставила в камере хранения на вокзале. – ответила бабушка Дина. – Не таскать же мне её через город. Ты сам к поезду меня встречать не пришёл. Знакомься, твой дядя Саша Черевков.

– Лёня Выприцкий. – нехотя называет себя толстяк, протягивая мне свою пухлую руку. – Входите!

Рука племянника мягкая и влажная. Чувствуется, что рука никогда не ощущала рабочих мозолей. Проходим с бабушкой Диной в большой двор, покрытый бетоном.

Во дворе три больших дома под черепицу. Дальше хозяйственные надстройки с сараями и несколько фруктовых деревьев.

– Вот это и есть наш Старый хутор. – объявляет, бабушка Дина. – Точнее то, чего от него не осталось. Уже лет пятнадцать, как снесли наш прекрасный сад и кладбище, построили новые улицы.

– Бабушка Дина! Где, то странное бревно, которое было в конце сада? – спрашиваю, старушку.

– Кто его знает? – нехотя, отвечает баба Дина. – Столько всего хорошего пропало в Старом хуторе.

От племянника Лени узнаю, что все Выприцкие и другие родственники из Гудермеса уехали в Избербаш на свадьбу. Оставили его одного охранять дворы родичей и учить уроки на осень.

Хожу по огромному двору. Пытаюсь обнаружить хотя бы один признак Старого хутора, но ничего не напоминает мне о прошлом.

Даже несколько фруктовых деревьев здесь на хозяйственном дворе посажены совсем недавно, лет пять назад. Все остальное не имеет даже срока давности.

Перекусив булочкой и стаканом кислого яблочного сока, сослался на свою занятость. Тут же покинул дом своих родственников, где ничто не напоминало мне о гостеприимном родстве терских казаков.

Попрощавшись с бабушкой Диной и с жирным племянником, отправился через весь город к речке Белка. Петляя по совершенно не знакомым мне улицам, едва выбрался к речке.

Подошёл к обрыву правого берега реки, откуда в детстве прыгал в воду, посмотрел вниз и поразился. Внизу под обрывом протекал жалкий ручеёк, в котором лежали две бездомные собаки, спасающиеся от летнего зноя.

Слева от меня ржавые обрывки старого висячего моста, по обе стороны берега бывшей речки Белка. Дальше, новый огромный мост, через который мчится различный транспорт.

На месте бывшего совхоза «Кондухова» и развалин первого хутора Ивлевых, вырос огромный посёлок городского типа. Когда-то давно в этом месте жила наша семья.

Опять перевёл свой взгляд на русло бывшей реки Белки, в которой, когда-то, было много разной рыбы и дикой водоплавающей птицы. Как-то дедушка Гурей поймал здесь в речке сома, который не поместился в двухметровой подводе и хвост сома тащился по земле. Где вся эта красота?

Куда всё делось за эти годы? Здесь не осталось даже леса, который был настолько огромный, что в нем мог свободно заблудиться взрослый человек. В этом лесу водилось много разного зверя.

Лес был из фруктовых и лиственных пород деревьев, полный лечебных трав. В лесу весной рвали ландыши, а на полянках тюльпаны. Все лето в лесу собирали фрукты, грибы и ягоды.

Лесные полянки были полны душистой земляники. Теперь на месте бывшего леса поля с зелёными полосами тополей, от которых летит белый пух и мне тяжело дышать.

Рядом находится опасно. Уезжал из Гудермеса вечером поездом, с душой наполненной печалью после увиденного жалкого зрелища, в котором ничего не осталось от сладких воспоминаний моего прекрасного детства в Старом хуторе.

Будто приезжал из моего прекрасного прошлого, в печальное настоящее, которое не влечёт меня к себе.

4. Рождение в Старом хуторе.

Думаю, что нет никого на белом свете, кто мог запомнить своё рождение. Тоже не был исключением.

О своём рождении знаю со слов своих родителей, а также со слов многочисленных родственников по линии моей мамы, то есть, терских казаков, которые проживали в Старом хуторе.

Большинство терских казаков по фамилии Выприцкие, родились в Старом хуторе в хатемазанке.

– Ты был последним, кто родился в хатемазанке, а не в роддоме, – рассказывала мне бабушка Нюся, мамина мама, из рода Выприцких. – После твоего рождения все рождались в роддоме.

Примерно за год до моего рождения, возле вокзала станции Гудермес, в старом здании управления железной дороги астраханского направления, открыли родильный дом.

Рассчитанный на приём рожениц с астраханского направления железных дорог, роддом был оборудован всеми необходимыми медицинскими приборами и оборудованием, которые имелись тогда в медицине.

Такая близость роддома от железной дороги была вызвана тем, что после окончания войны с фашистами вернулось с фронта много мужчин, сразу резко возросла рождаемость населения.

Единственный роддом в Грозном не успевал принимать городских рожениц. В сельских населённых пунктах беременные женщины рожали на дому. Отчего была большая смертность младенцев.

Бывшая станица «Кахановская», на территории которой располагался Старый хутор, сразу после войны получила статус города с названием Гудермес. Поэтому решено было построить роддом в центре города.

Так как роддом при вокзале станции Гудермес находился в трёх километрах от города. В то время современных улиц и санитарного транспорта не было. Ходить рожать до вокзала беременные женщины не могли.

Однако после войны не было денег на строительство роддома в центре города. Поэтому женщины рожали детей там, где им было удобно рожать своих детей.

– Твоим родителям, точнее, твоему отцу, как инвалиду войны, дали жилье на левом берегу речки Белка. – рассказывали бабушки по линии моей мамы. – Это был единственный дом, который остался на месте бывшего хутора Ивлевых и чеченского аула, которые были стёрты с лица земли. Во время стычек между чеченцами и терскими казаками. После установления советской власти на территории земли, принадлежащей чеченцам и терским казакам.

Старое бесхозное строение, переходило из рук в руки, то сельскому управлению, то поселковому совету. Когда на месте бывшего аула и станицы «Кахановской» образовался Гудермес.

Все бесхозное перешло под городское управление. Мария (моя мама) устроилась работать в совхоз «Кундухова», Сергей (мой отец), как инвалид войны получил место проживания в старом доме, стал работать сторожем в совхозе.

После того, как мама забеременела мной и не смогла работать в поле, то ей дали работу на дому. Мама шила одежду труженникам сельской местности. Надо было как-то зарабатывать трудовни, чтобы кормить семью.

Тогда в колхозах и в совхозах денежную зарплату не давали. Колхозники и сельские труженники, питались и жили на то, что выращивали в сельской местности (трудодни), а также на деньги, которые имели от продажи своей продукции на колхозном рынке в городе.

Мама часто торговала сельской продукцией, выращенной у нас на огороде, а также торговала сельской продукцией, выросшей на полях совхоза «Кундухова». Несмотря на своё маленькое образование, четыре класса церковно-приходской школы, мама хорошо знала математику и грамотно писала. Кроме того, в церковно-приходской школе мама хорошо выучилась домашнему рукоделию.

Могла кроить и шить разную одежду, а также с детства прекрасно вязала одежду на спицах. Как старшая дочка у парализованной бабушки Нюси, моя мама взяла бабушку к себе домой.

Несмотря на то, что бабушка Нюся была парализована на ноги, все остальное у бабушки Нюси было цело и здорова. Поэтому бабушка руками вязала на спицах разную одежду на продажу и получала небольшую пенсию на своё содержание.

Так мои родители крутились в быту до моего рождения. Несмотря на то, что в хозяйстве моих родителей было все необходимое для проживания. Однако они были оторваны от города тем, что не было никакой связи на случай беды или рождения ребёнка.

Единственной связью с городом был через речку подвесной мостик, который построили сто лет тому назад, чеченцы и терские казаки в знак дружбы между народами.

За сто лет мост сильно обветшал и фактически был непригоден к общению между населёнными пунктами по обоим берегам речки Белка. На подвесном мосту были огромные проёмы с отсутствием досок.

Можно было перебираться по такому мосту, как канатоходцу по тросам, с риском для своей собственной жизни. На расстоянии нескольких километров по обеим сторонам от дома моих родителей были автомобильный мост из брёвен и железнодорожный мост из бетонных свай с железными проёмами.

Оба моста со времени войны были под охраной солдат. Через автомобильный мост можно было передвигаться под контролем солдат. К железнодорожному мосту разрешалось подходить в наличии документа на ремонт и обслуживание железнодорожного моста.

Всех остальных к железнодорожному мосту не подпускали на расстоянии выстрела. Солдаты имели право стрелять по людям. Когда мама была беременна мной на последнем месяце беременности, то по решению наших родственников, терских казаков, беременную маму вместе с парализованной бабушкой, решили поселить на несколько месяцев в хату-мазанку в Старом хуторе.

Со времени войны с фашистами в нашем доме проживали семьёй евреи-беженцы с Европы. Евреи-беженцы и терские казаки жили, как одна семья. Поэтому все хозяйство дома моих родителей оставили на время евреям.

Ко времени моего рождения Старый хутор занимал не большую территорию земли. Там стояла древняя хата-мазанка, несколько изб, крытых соломой, два дома крытых дранкой и огромный хозяйственный двор, который кормил всех хуторян. За поселением Старого хутора

были, старинное кладбище терских казаков и огромный фруктовый сад, которые по своей территории были больше Гудермеса.

Фруктовый сад располагался вокруг Чёрной речки до железной дороги. Старинное кладбище находилось между фруктовым садом и берегом речки Белки.

Обе территории фруктового сада и старинного кладбища были огорожены колючим чилижником, через который, как через густую колючую проволоку не могли пробраться люди и животные.

Поэтому эти территории, никогда не охранялись. Однако любой желающий полакомится плодами сада или посмотреть на древние кресты на могилах терских казаков, мог свободно пройти через ворота сада и кладбища.

За порядком на территории фруктового сада и древнего кладбища терских казаков присматривали сообща оба рода древних терских казаков, Выприцкие и Ивлевы.

Так как эти две территории, фруктового сада и древнего кладбища, испокон веков считались собственностью двух фамилий, Выприцких и Ивлевых.

Конечно, близкие родственники этих двух фамилий тоже принимали участие за порядком на территории фруктового сада и древнего кладбища.

Однако главными зрителями были двойня, Георгий (Гурей) Выприцкий и Мария (Маня) Выприцкая (Лебедева).

– Несмотря на то, что большинство наших родственников, с обеих сторон были верующие, – рассказывала мне, моя мама. – Но все равно относились к своей жизни по-светски и демократично. Поэтому решили, что буду рожать своего первенца в роддоме в Грозном или в роддоме возле вокзала станции Гудермес.

К тому времени оба роддома ничем не отличались друг от друга. Конечно, можно было рожать и в Старом хуторе, где родилось большинство терских казаков.

Но родственники мужа посчитали, что рожать ребёнка в Старом хуторе, это какая-то дикость. Все равно, что рожать ребёнка в пещере, как в каменном веке. Терские казаки были не против того, что новое поколение терских и донских казаков будут рождаться по-современному в родильных домах...

– Однако Богу было виднее, где родиться первенцу у моей старшей дочери Марии. – рассказывала мне бабушка Нюся. – За неделю до того, как отвезти беременную Марию к родственникам в Грозный, над Старым хутором началась ужасная стихия.

Вначале разразилась ужасная запоздавшая гроза. Вместо ожидаемого снега в начале зимы, на Старый хутор хлынули проливные дожди. Воды было так много, что наш Старый хутор могло смыть водой в речку Белка. Все взрослые в Старом хуторе и родственники из станицы принялись укреплять территорию Старого хутора от возможного наводнения.

Вокруг двора Старого хутора сделали вал из хвороста и соломы, которые засыпали землёй и крупным песком с гравием. Саму территорию Старого хутора засыпали песком с гравием. Хату-мазанку превратили в укрепленный блиндаж, обнесённый плетёной изгородью.

– В укрепленной от дождя хате-мазанке во время стихии находились, парализованная Нюся и беременная Мария. – рассказывала, бабушка Маня. – Родственники из Старого хутора часто навещались в хату-мазанку. Кормили узников обрушившейся с небес стихии и ждали приплода.

– Мои планы рожать в роддоме окончательно провалились после того, как на Старый хутор после проливного дождя обрушился шквал крупного снега. – рассказывала мне, моя мама. – Территория старого хутора превратилась какое-то месиво из воды, песка, глины и крупного мокрого снега.

– Вот, что дорогуша! Ни в какой роддом ты не пойдёшь! – строго сказала бабушка Нюся, моей маме. – Рожать будешь в хате-мазанке, как рожали все бабы терских казаков Выприцких.

Ни одна роженица и ни один младенец, родившийся в хате-мазанке, не умерли и жили здоровыми много лет.

Как рассказывала моя мама, за день до моего рождения погода над Старым хутором неожиданно наладилась. С самого раннего утра прошёл крупный пушистый снег, который укрыл землю от грязи и обновил природу.

В самые первые часы рассвета небо очистилось и над Старым хутором возшло не зимнему яркое солнце. Вокруг территории Старого хутора стало светло и тихо.

Словно весь мир хотел увидеть новорождённого и услышать крик первенца в полноценной семье.

– Все! Мужики! Вымётывайтесь из хаты! – приказала бабушка Маня, когда увидела, что живот моей мамы резко опустился к низу. – Сейчас Мария будет рожать. Позовите наших баб. Надо приготовить медный тазик, тёплую воду и несколько чистых белых простыней. Все должно быть чистое.

– Несмотря на то, что мой живот резко опустился и отошли воды. – рассказывала мне, моя мама. – Ты всё никак не хотел появляться на белый свет. Во всем моём теле была ужасная боль.

– Кричи, Мария! Ругай на чем свет стоит, своего мужа. – кричали наши бабы, которые прошли то, что мне предстояло впервые пройти. – Будешь орать! Тебе легче будет рожать! Иначе издохнешь!

– До первых родов была, словно ангел среди терских казачек. – рассказывала мне, моя мама. – Никто никогда от меня плохого слова не слышал. Мама всегда ставила меня в пример сёстрам и братьям, как старшую самую положительную во всем среди своих родственников. Во время родов кричала словно резанная и крыла матом, на чем свет стоит. Даже мужики такого не слышали.

– Родился ты к рассвету следующего дня. – рассказывали мои бабушки. – Вопил так сильно, что в это утро петухи охрипли, пытаюсь тебя перекричать. Собаки во дворе Старого хутора лаять перестали. Коров, коз, баранов и домашнюю птицу вообще не было слышно в хлеву Старого хутора.

– Такой казак не пропадёт! – радостно, сказал дедушка Гурей, принимая меня из рук повитухи, которая в это время принимала роды от моей мамы. – От такого горластого казака, горцы будут обходить Старый хутор стороной. Так что быть этому новорождённому казаку атаманом среди нас.

– Откровенно говоря, до твоего рождения мы не придумали тебе имени. – рассказывала мне, моя мама. – Так как толком никто не мог точно сказать, кого произведу на белый свет. Мальчика или девочку? К тому же у терских казаков не принято называть имя того, кто пока не появился на белый свет.

Так же как не принято заблаговременно покупать одежду и кроватку новорождённому. Считали, что такая поспешность может привести, к несчастью, во время родов и в дальнейшем к плохому здоровью младенца.

Однако так считаю, что терские казаки придумали такой обычай к рождению младенца по той причине, что в случае неудачных родов приобретённое добро младенцу не понадобится никому.

К тому же никто никогда не брал вещи после умершего младенца или взрослого человека. На то тоже была плохая примета, что горе умершего перейдёт здоровому человеку.

Если быть точным человеком, то казаки соблюдали такие обычаи из-за своей бедности. Терские казаки всегда были расчётливые люди и никогда не распыляли своё добро на ветер.

– По старому календарю первенец родился в день рождения вождя всех пролетариатов Фридриха Энгельса. – заметил Николай Выприцкий, который был коммунистом и сторонни-

ком социализма во всём мире. – Пускай этот малыш носит имя вождя пролетариатов. Может быть, прославится?

– Ишь, что придумал! – возмутилась бабушка Нюся. – Где это видано, чтобы терский казак носил имя буржуйское. Пусть даже этот буржуй был вождём всемирного пролетариата. Такого имени среди терских казаков не было, и быть не может. Надо малому дать красивое имя терского казака.

– Вы, что-то совсем забыли, что у этого малыша отец донской казак. – напомнила Галина, сестра отца новорождённого. – Надо ему дать такое имя, которое подходит терским и донским казакам.

– Надо ему дать имя Александр. – предложила бабушка Маня. – Такое имя носили известные люди. Македонский, Пушкин и Грибоедов. Необязательно нашему малышу становиться полководцем, как Македонский. Поэт, писатель или художник среди казаков никогда не помещают. К тому же Пушкин и Грибоедов тоже были Сергеевичами. Возможно, что в будущем мы тоже будем им гордиться?

Присутствующие родственники поддержали предложение бабушки Мани. Так утром 28 ноября 1946 года в хате-мазанке в Старом хуторе терских казаков появился на свет Александр Сергеевич Черевков, рождённый от терской казачки и донского казака. Дальше по своей жизни он сам определит, кем ему быть. Поэтом, писателем, художником, полководцем или обыкновенным человеком.

5. Первый год после рождения.

После тяжёлых родов моего рождения. Мама не могла пойти в отделение городского ЗАГС, зарегистрировать моё рождение. Мой отец сам пошёл утром объявил в ЗАГС, что сегодня у него родился сын Александр.

В этот же день моего рождения к нам в Старый хутор пришли представители регистрации ЗАГС. Пышная дама в красивом платье с алым бантом на груди и солидный мужчина в европейском костюме поздравили моих родителей с рождением первого сына Александра.

– Едва только представители ЗАГС произносили твоё имя, – рассказывала мне моя мама, – как ты тут же начинал сильно кричать. Словно понимал, что произносят твоё имя и плохо о тебе говорят.

– Боже мой, что будет дальше! Если в первый день своего рождения так громко кричит. – с удивлением, сказала пышная дама. – От такого крика можно сума сойти. Вам придётся уши затыкать.

– Это он при вас такой крикливый. – пошутила мама. – Утверждает перед вами своё рождение. До вашего прихода наш сынок был спокойный. Сосал мамину грудь, и довольный он тихо посапывал.

– Тогда мы пойдём. – заторопилась пышная дама. – Пускай ваш сыночек упокоится. Распишитесь в документах. Получите на руки свидетельство о рождении Черевского Александра Сергеевича.

– Так от нас гости с пустыми руками не уходят. – расписываясь в книге регистрации о моём рождении, сказал мой отец представителям ЗАГС. – Даме цветы из нашей теплицы и торт от нашего стола. Сто грамм вина даме и сто грамм водочки мужчине. Иначе нельзя уйти Вам в такой день.

Представители городской власти не были нашими родственниками. Но у них в венах тоже текла кровь терских казаков. После сто грамм вина и водки в хате-мазанке в честь моего рождения, все поднялись вверх во двор Старого хутора.

Прошли в самый большой дом к накрытому там столу по случаю моего рождения. Не прошло и десяти минут, как Старый хутор наполнился песнями терских и донских казаков.

Через час праздник в день моего рождения перекинулся на соседние хутора наших родственников. Во второй половине дня половина Гудермеса отмечали день моего рождения.

К вечеру почти весь город кутил напропалую. Большинство казаков не знали, по какому поводу пьют. Терским казакам все равно, какой повод, лишь бы погулять на славу и с размахом.

– Первую неделю после твоего рождения не выходила из хаты-мазанки. – рассказывала мама. – Мне надо было окрепнуть после родов и тебе требовалось малость подрасти, чтобы ты мог легко дышать свежим морозным воздухом. За эту неделю наши старики сходили в местную церковь и договорились с батюшкой насчёт твоего крещения. Ведь ты все-таки рождён от православных.

В первую субботу после моего рождения в маленькой церкви Гудермеса негде было яблоку упасть. Пришли почти все наши родственники со стороны мамы и со стороны отца.

Большая часть родственников остались на улице. В церковь прошли только самые ближайшие родственники новорождённого. Батюшка прочитал молитву над новорождённым.

После священник взял меня на руки и окунул в священную воду, которая была в небольшом тазике из серебра. Мама приняла меня от батюшки на руки и завернула в тёплое полотенце и в пуховое покрывало. Батюшка надел мне на шею суровую нитку с золотым крестиком. С этого момента стал православным казаком.

– Самоё удивительно было в день твоего крещения то, что ты молчал. – рассказывала мама. – Можно было подумать, что ты знал о порядке в православной церкви, где нельзя кричать никому.

– Едва только тебя вынесли на улицу из церкви. – рассказывала бабушка Маня. – Как ты сразу закатил истерику, то ли из-за того, что тебя вынесли из церкви, то ли из-за того, что купали в купели.

– Ты не успокоился до того времени. – продолжала рассказывать мама. – Пока тебя несли от церкви до Старого хутора. Только когда дала тебе свою грудь, ты сразу упокоился. После того, как напился материнского молока, так сразу уснул. Так было каждый день, пока тебя кормила грудью. Голодным ты никогда не был. Молока у меня в грудях было много, и ты всегда был сыт.

Несмотря на то, что у моей мамы и у меня со здоровьем было все хорошо, переезжать в свой дом за речку мы не спешили. Погода нас на улице не баловала и не за горами были рождественские праздники.

Поэтому родственники решили меня, мою маму и парализованную бабушку Нюсю оставить в хате-мазанке. Здесь было тепло и уютно нам троим. Остальные хуторяне жили в избах и в домах на дворе Старого хутора.

Места всем хватало в Старом хуторе. Можно было долго жить. После рождественских и новогодних праздников наша тройка обратно осталась жит в хате-мазанке.

На то была особая причина. Дело в том, что пока в Старом хуторе все были заняты моим рождением, а также рождественскими и новогодними праздниками, в семье евреев-беженцев родилась девочка.

К весне они ждали рождение нового ребёнка от старшей дочери главы семьи. Дом у нас был большой. Но трое новорождённых в одном доме, это перебор. Уехать семье евреев-беженцев некуда. На улице зима и в Европе разруха после закончившейся войны с фашистами.

– Мы своим хуторянам и станичникам на протяжении веков сообща строили жилье. – сказал дедушка Гурей на общем собрании наших хуторян. – Думаю, что и сейчас нам под силу соблюдать традиции наших предков. Скинемся мы по кругу, кто, сколько сможет, сообща пристроим рядом дом.

Дедушка Гурей положил в сумку из мешковины свой красный червонец и передал сумку по кругу. Все присутствующие на сходе хуторян положили в сумку денег столько, сколько позволял карман.

Денег в сумке оказалось так мало, что говорить о новой пристройке к нашему дому бесполезно. Тогда дедушка Гурей с сумкой пошёл к станичникам.

Решил обойти всех станичников, которые были в прямом родстве с нами, а также хорошими друзьями на протяжении многих десятилетий.

– Теперь нам хватит денег на целый дом. – сказал дедушка Гурей, когда к вечеру пришёл с двумя сумками денег. – Завтра с утра найму каменщиков и плотников. К весне дом и двор пристроим.

Как многократно раз рассказывали мне наши многочисленные родственники, терские казаки, дом наш пристраивали и расширяли двор, чуть ли не все станичники и хуторяне.

К весне дом и двор по площади увеличились в два раза. Наше хозяйство наполнилось парнокопытным и рогатым скотом разных пород, а также пернатой и водоплавающей птицей разного вида.

Наш двор был огорожен огромным забором. Возле ворот и калитки появились сторожевые псы, породы кавказской овчарки.

– Хватит гостить! – сказала бабушка Нюся, когда узнала, что все готово к нашему переезду в дом. – В гостях хорошо, а дома лучше. Пускай Сергей вначале перевезёт меня, а после Машу с ребёнком. До переезда внука и дочери приготовлю на стол пищу, чтобы мы могли справить новоселье.

Как рассказывала мне мама. Нашу парализованную бабушку посадили в коляску трофейного мотоцикла БМВ. Укутали бабушку тёплым одеялом, чтобы не замёрзла вовремя переезда из Старого хутора в наш дом.

Мотоциклу через автомобильный мост ехать надо было километров десять. На улице начало весны. Всюду грязь и слякоть. Погода прохладная. На улице ветер и пасмурно.

К середине дня пагода наладилась. На смену пасмурной и прохладной погоды в небе появилось яркое солнце. Ветер стих и стало не по-весеннему жарко.

Можно было подумать, что погода специально сменилась, чтобы полугодовалый ребёнок не замёрз и не простыл во время переселения на новое место жительства.

Где младенцу предстоит прожить длительное время или всю жизнь. Меня и маму, также как парализованную бабушку, усадили в коляску трофейного мотоцикла.

Несмотря на то, что на улице тёплый день, меня укутали в пуховое одеяло с головой. Оставили лишь отверстие перед носом и перед глазами, чтобы не задохнулся и видел, как меня перевозят на новое место жительства.

Маму тоже тепло укутали, чтобы она не простудила свои груди с молоком. Иначе молоко у мамы в грудях могло прокиснуть, а к прокисшему молоку не приучен.

К тому же в пищу пока употребляю лишь материнское молоко. К другой пище меня пока не приучили.

– Ребёнок до года должен питаться только материнским молоком. – говорила маме бабушка Нюся. – В молоке матери здоровье младенца и его сила. Пищу взрослого человека он успеет нахлебаться.

Когда трофейный мотоцикл, злобно урча, выехал из двора Старого хутора, то следом за мотоциклом потянулись в дорогу многочисленные родственники.

У кого был транспорт в виде подвод и бричек, те поехали следом за мотоциклом через автомобильный мост. Пешие родственники, словно альпинисты или канатоходцы направились к обрывкам висячего моста.

В надежде на то, что быстрее транспорта доберутся по канатам висячего моста. Первыми будут гостями у нашего дома. Пока мы добирались до нашего дома, то там все было готово к приёму гостей.

Под руководством нашей парализованной бабушки семья евреев-беженцев хлопотала к приёму гостей на кухне и у стола по самой середине огромного двора.

Родственники, которые добрались первыми до нашего двора, тут же принялись накрывать стол для всех гостей. Кроме того, что приготовили семья евреев и наша бабушка, каждый из гостей принёс с собой разных солений со своего двора и выпивку.

Вторую половину субботы и далеко за полночь левый берег реки Белка сотрясала от новоселья под лихие песни терских казаков. Конечно, больше всего гуляли мужики.

Бабы хлопотали вокруг огромного стола, стараясь угодить своим мужикам. В это время моя мама и бабушка Нюся были заняты мной. До поздней ночи не мог заснуть от песен терских казаков.

Вопил во всю глотку, да так сильно, что наверно на другом берегу речки было слышно мой голос, который порой перекрывал громкое пение гостей?

Мама постоянно кормила меня своей грудью и пеленала меня в чистые пелёнки, которые успевал испачкать после каждого кормления. Лишь после того, как уснули за столами сильно пьяные мужики, следом за мужиками заснул. Спали до обеда воскресного дня.

Похмелившись во время обеда воскресного дня, мужики стали расходиться по домам. В понедельник новая рабочая неделя. Надо прийти в себя после пьянки. По дому есть чем заниматься в своём хозяйстве.

В те годы, особенно после войны с фашистами, в основном терские казаки жили за счёт своего домашнего хозяйства.

У каждого был собственный двор с многочисленными домашними животными и птицами.

Всех надо было кормить, чтобы самим было после что кушать. Кроме хозяйства после войны в каждом доме народилось много детей, за которыми нужен был особый уход, чтобы на смену искалеченным войной терским казакам народилось новое вполне здоровое поколение. Именно ради нового поколения терские казаки воевали за независимость.

– Не могу точно определить, какое время после твоего рождения было самым тяжёлым в моей жизни. – рассказывала мне мама. – Ты вообще с рождения достался мне тяжело. Мало того, что ты родился с опозданием на несколько часов. Кроме этого, с первым своим криком ты громко заявил о своём рождении. С первой своей минуты от рождения ты требовал к себе особого внимания.

– Мы с нетерпением ждали, когда ты сможешь сидеть. – продолжала рассказывать бабушка Нюся. – Думали, что когда ты сам примешь вертикальное положение своего тела, то тебя заинтересует вид окружающего тебя мира. Ты перестанешь вопить во всю глотку. Займёшься изучать мир природы.

– Однако, когда ты самостоятельно сел в своей кровати, то ты стал орать ещё громче. – продолжала рассказывать мама. – Ты не хотел сидеть на одном месте и требовал, чтобы с тобой гуляли.

– Оставалась, лишь одна надежда на спокойствие от тебя, это когда ты встанешь на ноги. – рассказывала бабушка Маня. – Надеялись на то, что когда ты почувствуешь под своими ногами землю, то она заинтересует тебя. Ты перестанешь кричать и задумаешься над тем, как сделать свой шаг.

Так после моего рождения мучились со мной мои родители, а также многочисленные бабушки и дедушки с обеих сторон. Конечно, доставалось от меня моим многочисленным дядям и тётям, которых в каждой семье было больше десятка.

К счастью моих, двою родных братьев и сестёр, им повезло больше, чем мне, мои крики им не суждено было услышать, так как они тогда пока не родились.

Так что старшему поколению доставалось от меня, так же как от старшего поколения доставалось мне одному. Первые шлепки по заднице и первые подарки доставались мне одному. Так прошёл один год моего рождения, который запомнился родственникам на всю их жизнь.

6. Удивительный сон.

Задолго до того, как появились телевизор и компьютер. Когда радио, кино и книги были такой же редкостью, как хлеб и молоко в городских магазинах.

Когда едва научился различать шум природы от звука речи, день от ночи, горячее от холодного, вкусное от отвратительного продукта и так далее и тому подобное.

Именно тогда приснился мне ночью тот удивительный сон, который снился мне на протяжении многих десятков лет. Иногда и сейчас снится с теми же подробностями.

Знаю, что чаще всего сны забывают едва проснувшись. Но так как мой сон снится мне часто на протяжении многих десятков лет, то запомнил удивительный сон со всеми его подробностями.

Приснилось мне, что лечу в каком-то удивительном аппарате, который изнутри похож как мыльный пузырь своей прозрачностью. С едва заметным блеском всех цветов радуги и с фиолетовым оттенком на прозрачном куполе аппарата.

С наружной стороны аппарат с зеркальным отражением небесно-голубого цвета. Аппарат едва заметный на фоне чистого голубого неба. Вовремя полёта заряжается аппарат лучевой энергией, которая отражается от всего, на что светит солнце, даже от самого солнца и других планет солнечной системе. Летит аппарат быстрее звука и скорости света.

Не могу сказать именно по какой причине, но сразу определил во сне, что аппарат называется «Нейроплазматрон».

Все годы моей жизни, сколько снится этот удивительный сон, когда рассказываю кому-то про свой сон и про название аппарата, слушатели моего рассказа смеются надомной.

Не сговариваясь друг с другом, все говорят, что враль, фантазёр и все остальное насчёт моего рассказа об удивительном сне, а также о том, что такого аппарата в помине нет, и, никогда не будет на всём белом свете.

Надо додуматься до такого названия «Нейроплазматрон»? Однако тот удивительный сон был и продолжается снится мне до настоящего времени со всеми подробностями первого сна.

Не буду вдаваться в мелкие подробности своего сна. Мелочь, как монеты, мало кого интересуют. Другое дело то, что покрупнее, как крупные деньги, с огромным интересом привлекают наш разум и наши руки.

Крупное всегда хочется потрогать и увидеть вблизи. Так вот, снится мне, словно вовремя полёта в «Нейроплазматроне» на фоне прозрачного купола появляются живые картинки, словно слайды, на современном языке, клипы истории жизни человека, от каменного века до тех дней, которые будут в жизни последующих поколений обычных людей.

Хочу напомнить, что до этого сна мне из увиденного совершенно ничего не было известно. Вовремя полёта в аппарате виртуально ощущал себя там, откуда шли на меня картинки в волнах «Нейроплазматрона».

Звуки, запахи, крики и цвета происходящих событий отражались в моём сознании, а также ощущались на коже моего тела. Даже отдельные слова незнакомой речи запомнились мне на всю жизнь.

С годами смог перевести запомнившуюся мне во сне речь с чужого языка, на хорошо знакомый мне с детства русский язык. В основном то были крики ужаса и боли.

Вернёмся к полёту, когда ощутил, что аппарат приземлился где-то в пустыне. Посмотрел впереди себя и увидел какую-то странную картину.

Хотя вовремя моего первого сна по моему возрасту и, по-моему, совершенно не зрелому сознанию даже самое обычное в жизни людей казалось мне странным и необычным.

Мне было интересно все, что воспринимали взгляд и сознание. Однако тогда в пустыне были живые кисти рук, которые тянулись откуда-то сзади моего аппарата. Руки были настолько

огромные, что разумом сразу сравнил кисти огромных рук с величиной нашего большого дома, в котором было несколько комнат и чердак с сеновалом.

Даже в таком сравнении руки в пустыне были значительно больше любого знакомого мне жилого дома человека. Гигантские руки перемешивали что-то в таком же гигантском сосуде.

Затем смешанную массу перекладывали в квадратную коробочку. Можно было подумать, что гигантские руки, словно детские руки, играют в детской песочнице.

Из разных форм выкладывают из песка разные фигуры. В основном в пустыне были серые кубики из той массы, которая была выложена на жёлтый песок из гигантских форм.

Если говорить современным языком, то, там, в пустыне были бетонные блоки. Из таких гигантских блоков в пустыне стояли две гигантские пирамиды.

Одна пирамида была такой же серой, как бетонные блоки. Другая пирамида чуть выше была покрыта металлом жёлтого цвета, который сверкал и переливался золотистым блеском в лучах жаркого солнца пустыни.

В пустыне больше ничего не было, кроме гигантских кистей рук, кубиков из бетона и двух пирамид. Посмотрел по двум сторонам аппарата.

Обнаружил себя между двух ступней гигантских ног, которые одеты в какие-то странные сандалии из грубой кожи светло-коричневого цвета с гигантскими пряжками из жёлтого металла, точно такого цвета, как на одной из двух пирамид.

Мой аппарат вместе со мной выглядел просто мурашкой против гигантских ступней живых ног человека. Осторожно поднял свой взгляд к куполу аппарата и тут же замер от страха.

С высоты самой высокой горы вблизи нашего Старого хутора, на меня смотрела огромная мужская рожа, порытая густой тёмно-коричневой бородой и такого же цвета усами.

Дальше были огромный нос и огромные глаза чёрного цвета. Над глазами густые брови, а на голове огромная копна густых волос. Гигантская рожа улыбнулась мне и протянула к моему аппарату что-то острое зажатой между пальцев в своей гигантской кисти руки.

Как только острие дотронулось до купола аппарата, так сразу раздался хлопок похожий на хлопок проколотого воздушного шарика, но со звуком выстрела из гигантского орудия.

В тот же миг меня окружил отвратительный запах ступней ног гигантского мужчины. Запаниковал от страха. Начал кричать и метался в своём аппарате. Сразу проснулся.

– Сынок, что с тобой случилось?! – спросила меня моя мама, прибежавшая на крик к моей кровати. – Опять во сне летаешь? Ничего страшного. Дети все, когда растут, то летают во сне. Но от тебя что-то дурно пахнет?словно кошка издохла у тебя в кровати или ты со страху наложил в штаны.

– Мама! Да, ты, что!? Давно вырос с того возраста, чтобы со страха наложить в штаны! – возмущённо, воскликнул, но на всякий случай потрогал свою задницу. – Порядок в моих штанах.

– Ну, и, слава Богу, что так обошлось! – радостно, сказала мама, укладывая меня обратно в постель. – Лучше пусть так пахнет от живого человека, чем от мёртвого. Дурной запах от человека, это не только признак смерти, а также признак жизни. Алкаши при жизни дурно пахнут и живут...

– Мама! Не алкаш! – возмутился. – Никогда не буду пить водку. Всегда буду трезво жить.

– Успокойся! Успокойся! – укладывая меня в постель, сказала мама. – У тебя вся жизнь впереди.

Насчёт запаха мамины слова оказались пророческими в моей жизни. Несколько лет спустя после моего первого сна, когда мы стали жить в Новом городке, меня сбил мотоцикл вовремя моей игры в волчок на проезжей части улицы.

В бессознательном состоянии меня положили в отдельную палату почти без признаков жизни. В палате возле моей кровати собрались врачи и мои родители.

– У нас нет никакой надежды, что ваш сын будет жить. – сказал доктор, обсуждая моё состояние.

Моё сознание и мой слух прекрасно воспринимали окружающую меня среду. Находясь в бессознательном состоянии, никак не мог проявить себя как живой человек.

С расстройства и от переживаний за свою жизнь. Выпустил из себя тот запах, который остался во мне на всю жизнь от гигантских ступней человека в пустыне. Моя палата сразу наполнилась отвратительным запахом.

– Вот вам и признаки смерти! – возмущённо, сказал доктор, сквозь заткнутый нос от моего запаха.

– Нет! Это признак жизни! – радостно, сказала моя мама. – Так мой сын проявляет свою жизнь.

Мама оказалась права. Несмотря на мою ужасную травму головы и позвоночника. Вопреки прогнозам врачей. Выжил. Победил смерть. Врачи пару лет, наблюдавшие моё выздоровление, удивлялись тому, что остался живым и невредимым после такой сложной травмы. Но время показало, что доктора в этот раз были не правы.

Моя мама оказалась права со своими выводами насчёт того, что мой дурной запах был не признаком предстоящей смерти, а признак моей жизни. Дурной запах от гигантских ступней в пустыне, сохранившийся в моём теле и в моём сознании, спасал меня от смерти много раз.

Однажды был такой случай, что после очередной командировки в Москве на презентации мы хорошо отметили в ресторане так, что едва добрались до самолёта.

Перед самой регистрацией на самолёт у меня порвались туфли. Там же в аэропорту приобрёл себе новые туфли и отправился на посадку в самолёт, который должен был взлететь через час.

Новые туфли оказались мне на размер малы и ужасно сильно жали обе мои ступни. К тому же в этот день в Москве была ужасная жара. Так сильно жарко, как в пустыне рядом с гигантскими ступнями вовремя моего удивительного сна.

Но тут дело не в пустыне, а в том, что рейс нашего самолёта откладывали по какой-то причине. Нас держали в накопителе перед посадкой на самолёт. Когда наконец-то прошли на посадку в самолёт, то уже ревел от боли в своих ступнях.

– Да скинь ты наконец-то свои проклятые туфли! – возмущённо, сказал мой попутчик в самолёте.

– Не могу! Боюсь за последствия! – со слезами на глазах и с юмором в голосе отказал попутчику.

Однако попутчик из жалости ко мне настаивал, чтобы разулся. Поддался уговору и боли своих ног. Но когда разулся, то мой попутчик сразу пожалел о том, что уговаривал меня разуться.

От подошв моих опухших ног. Так же как от моего большого употребления пищи на банкете. Перед посадкой на самолёт. Из меня вышел тот самый дух, сохранившийся во мне от гигантских ступней.

Стюардесса, проходящая мимо нас по самолёту, почувствовала отвратительный незнакомый ей ранее запах. Бдительная стюардесса тут же сообщила о запахе туда куда надо.

Самолёт сняли с подготовки на вылет. Пассажиров эвакуировали на специальный контроль. Тщательно обследовали самолёт, багаж и пассажиров.

К нашему всеобщему удивлению, в багаже нашли какую-то контрабанду и террористов, которых тут же отделили от нас в наручниках. Нас отправили в самолёт.

Перед посадкой в самолёт помыл из бутылки газированной водой свои ноги, а также для удобства разодрал свои новые туфли так, что они уже больше не жали мне до самого моего дома.

Но это было десятки лет спустя после моего первого удивительного сна. Тогда меня мама уложила обратно в кровать. Мне приснилось продолжение моего удивительного сна.

Обнаружил себя обратно в своём аппарате, который чудом уцелел. Передо мной обратно поплыли картинки жизни людей. На слайдах прожитой жизни после строительства в пустыне пирамид гигантским человеком, увидел, как к пирамидам пришли обычного роста люди, которые были также как подобно муравьём перед этими пирамидами.

С копьями и с топорами обычные люди, словно дикари, набросились на позолоченную пирамиду и полностью ободрали эту пирамиду от золота до бетона.

На других слайдах совершенно другие обычные люди в лохмотьях, под руководством людей в дорогой одежде стали выдалбливать в этих пирамидах помещения, куда стали хоронить своих вождей, как позже узнал, фараонов.

Дальше рабы стали готовить из каменных глыб будущие гробницы и пирамиды своим фараонам. Вскоре вся пустыня покрылась памятниками и пирамидами.

Прошло много десятков лет после моего первого удивительного сна. Наяву мне не удалось побывать на том самом месте, где собирал первые пирамиды гигантский человек, словно ребёнок в детской песочнице.

Но с годами мне стало известно из достоверных исторических источников, что задолго до фараонов у первых двух пирамид были гости из будущей Европы.

Дикие гости ободрали золото с пирамиды, и, ушли обратно к себе в будущую Европу. Может быть, именно по этой причине позже среди европейских народов зародилась страсть к благородному блеску золота?

Из современных источников от учёных археологов мне стало известно, что в некоторых каменных блоках на египетских пирамидах были обнаружены признаки присутствия человека во время заготовки гигантских блоков.

Отсюда сразу появляется сомнение, что все блоки выдалбливали из камней и подгоняли друг к другу с точностью до миллиметра, куда даже лезвие нельзя просунуть.

Вполне возможно, что блоки выливали из специального бетона прямо на местах будущих пирамид? Со временем бетон мог принять вид камня, что давно доказано при исследовании других древних построек.

Ну, а может быть, мой удивительный сон, когда-то был явным событием? Вполне возможно, что были гигантские люди, которые словно в детской песочнице могли собрать гигантские пирамиды, предназначенные к неизвестному ритуалу гигантов или в научных целях?

Ведь неспроста у многих народов существуют сказки и легенды о больших людях великанах, перед которыми обычные люди выглядели словно муравьи.

Как выглядел в своём аппарате перед гигантскими ступнями человека, строящего пирамиды. Любые сказки и легенды не возникают из ничего. Все когда-то имело место тому, что было записано в сказках и в легендах или приснилось.

Сейчас нет никакого труда, обнаружить на страницах Интернета сводки и фотографии находки антропологов, что в разных странах обнаружены скелеты гигантских людей, которые жили на планете, подобно гигантским звероящерам, задолго до появления на планете Земля обычных людей.

Вопрос только в том. Куда делись те люди гиганты и откуда появились мы, обычные люди? Ну, а насчёт аппарата «Нейроплазматрона», на котором мне довелось летать в удивительном сне?!

Так это всего лишь дело за временем. Давно многие видели нечто подобное, летящее высоко в небе, удивительным аппаратом с названием НЛО.

Придёт время, когда кто-то докажет о существовании такого аппарата или сам построит подобный аппарат, который будет летать быстрее звука и быстрее скорости света, а заряжаться

такой аппарат будет лучевой энергией, отражённой от окружающих нас предметов природы, а также от Солнца и других планет солнечной системы.

7. Мой первый шаг.

У каждого человека имеется память о первом шаге. Одним об этом рассказывают родители.

Другие помнят свой первый шаг, связанный с чем-то ярким, что так же, как первый шаг остаётся в памяти на всю жизнь.

Не хочу выставить себя исключением среди остальных людей. Моё развитие, как ребёнка, в первый год моего рождения не отличалось ни от кого другого из моих ровесников.

Так же как все дети были шумным и беспокойным. Постоянно требовал к себе внимание. Однако отчётливо помню свой первый шаг, хотя в то время моё сознание не сформировалось.

Мне часто снится тот удивительный сон моего детства. Мама поддерживает меня под руки на деревянном полу в большой комнате. Отец держит на уровне моих глаз огромный торт, украшенный яркими ягодами.

По самой середине торта большая свеча. Вокруг отца мои бабушки, которые пальцами рук приглашают меня подойти к торту, приготовленному к моему первому юбилею.

– Сынок! Этот торт тебе. – шепчет мама мне на ухо. – Иди, задуй свечку. Покушай вкусненький торт.

Чувствую, как дрожат мои колени от неуверенности в ногах к моему первому шагу. Мама придерживает меня руками и слегка подталкивает вперёд к красивому торту.

Неуверенно делаю свой первый шаг. Все присутствующие в комнате гости визжат от восторга и своим одобрением поддерживают меня к моему первому шагу.

Не совсем уверенно, но твёрдо, топаю к торту. Подойдя к торту, пытаюсь сократить свой шаг. Но скорость моего шага не сокращается. Со всего бега врезаюсь в огромный тор руками и лицом.

Весь обмазанный сладким кремом начинаю истерически кричать. В этот момент большая комната наполняется одобрительным криком и возгласами в мой адрес.

Родители одобряют мой первый шаг своими похвалами и облизывают с меня сладкий крем торта, как мороженое с палочки. Кто-то приносит мокрое полотенце, обтирают меня.

– Первый торт, как первый блин, тоже бывает комом. – говорит мама, переодевая меня к столу.

Дальше помню, что во время дня рождения к нам в большую комнату дедушка Гурей принёс огромный манеж плетёный из вишнёвой лозы. Манеж круглый с мягкой подстилкой под моими ногами.

Меня ставят в манеж. Цепляюсь за верхний край манежа и начинаю передвигаться по кругу. Родители и гости рады моей самостоятельности в круглом манеже.

Теперь меня не нужно постоянно держать на руках. С этого момента вполне самостоятельный человек, в смысле моего передвижения по кругу манежа.

Мама может заниматься своими делами, а бабушка Нюся будет присматривать за мной, чтобы не ухитрился перебраться через барьер манежа на деревянный пол.

Так осваивал своё хождение и свой первый бег по кругу манежа. Пока манеж был мне в самую пору. Но также как все дети стал быстро расти. Вскоре плетёный манеж был мне не по росту мал.

Стал выбираться из плетёного манежа, набивая себе шишки на лбу об деревянный пол. К весне мне соорудили огромный манеж из досок. Поставили этот манеж у нас во дворе под огромное дерево тутовника. В хорошую погоду в этот манеж принесли меня, детей семьи евреев-беженцев, а также детей наших соседей, которые построили себе дом возле нас через дорогу.

– Вот теперь у нас будет собственный детский садик, – радостно, сказала моя мама. – Будем по очереди присматривать за детьми. Кормить детей будем с общего стола. Не в ущерб другим.

На пол огромного манежа постелили толстые стёганные одеяла. Целый день в хорошую погоду мы находились в своём манеже. Забирали детей по домам на ночь или в плохую погоду.

Каждая мама в свободное время приходила к манежу с детьми и начинала нас кормить всех подряд. Мы словно голодные щенки царапали друг друга, чтобы первыми добраться до вкусной пищи.

Когда на дереве поспели крупные ягоды тутовника, то с этого момента нас невозможно было отличить друг от друга. Дети были сытые и перепачканные в чёрный цвет спелых ягод тутовника.

Манеж попытались было убрать от дерева тутовника под навес. Мы все разом, не сговариваясь, закатили истерику, когда утром в манеже не обнаружили сладких ягод тутовника.

Нас вернули обратно под дерево и оставили на произвол природы. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы молчало. Не помню точно, сколько было мне годиков, когда ко мне стали приходить в гости дети наших родственников.

После того, как рядом с новым посёлком на нашей стороне построили новый автомобильный мост. Со старого моста сняли вооружённую охрану. Разрешили свободное движение транспорту и людям.

Старый мост фактически превратился в передвижение местного населения. Каждое ранее утро было слышно, как мычат коровы, блеют овцы и козы, ржут лошади.

Горожане выводили на заливные луга за речкой Белка домашний скот. Сейчас конечно даже смешно подумать, что в городе может находиться домашняя скотина.

В сороковых, пятидесятых и даже в шестидесятых годах прошлого века, было обычным иметь в городе свой домашний скот и птицу. Следом за домашней скотиной, к на свежий воздух по выходным дням, приходили родственники из Гудермеса.

Летом часто приезжали к нам родственники из городов и станиц Чечни, а также из Дагестана и Северной Осетии.

Мелкая речка Белка, леса, наполненные ароматом ландышей, лесные полянки, усеянные земляникой. Чем ни райский уголок для отдыха взрослых и детей.

– Твоя тётя Рая! Твоя тётя Рая! – трещала по выходным дням у моего уха девчушка ростом с меня. – Мы с тобой сейчас пойдём пасти гусей на речку. Там много детишек. Мы будем играть.

Позже от мамы узнал, что этой тёти Рае тогда было всего три годика. Она действительно по линии моей мамы доводилась мне тётей. Жила эта тётя Рая в Грозном и только всего один раз приезжала к нам с родителями отдыхать на лето в наш дом.

Она целыми днями игралась со мной во дворе или со стадом наших гусей на мелководье речки Белка. Это был лучший год её жизни. Больше никогда не видел свою тётю Раю.

Мама долго ничего не говорила мне о неожиданном исчезновении моей единственной тёти Раи. Когда мне стало столько лет, сколько было тётю Рае, когда видел её в последний раз.

Тогда мама мне рассказала, что после отъезда от нас к себе домой в Грозный, на следующий год тётя Рая умерла от воспаления лёгких в свои четыре года.

Целый день ревел по утрате, своей единственной тёти Рае. Мама стала беспокоиться за меня. Боялась, что у меня случится нервный срыв или какая-то другая беда по случаю моего расстройства.

У мамы часто на протяжении всей жизни с детьми, сбывались предчувствия беды, которая может постигнуть её детей. Так было и в тот раз. Непонятно по какой причине, но сильно заболел.

К вечеру у меня поднялась температура. Меня стало лихорадить. Надо было меня показать детскому врачу. Но в эти дни детского врача в поликлинике Гудермеса почему-то не было.

– Надо вести ребёнка срочно в Грозный! – заволновалась бабушка Нюся. – Там хорошие врачи. Рядом с больницей в старой крепости живёт моя двоюродная сестра Евдокия. Она присмотрит за Шуриком. Заодно побываете в гостях у Ивлевых. После смерти дочки они больше не приезжали.

Рано утром отец отвёз меня и маму на станцию Гудермес. В небольшом зале вокзала тепло и уютно. Народу совсем мало. Мама прошла со мной в самый дальний угол в зале ожидания.

Уложила меня на скамейку рядом с тёплой батареей. Отец остался со мной, а мама пошла к дежурному вокзала. Почти все родственники из нашего Старого хутора работали на станции и на вокзале Гудермес.

Были железнодорожниками по ремонту железной дороги, а также по ремонту поездов. Мама быстро вернулась в зал ожидания. На руках у неё был билет в тёплый вагон.

Ехать от станции Гудермес до станции Грозный не больше часа. Но мама беспокоилась за моё здоровье. На улице поздняя осень. В плацкартных и общих вагонах, холодно и сквозняки, от которых можно заболеть даже взрослому человеку. Больному ребёнку достаточно того, что он и без того болен.

– Мария! Ты можешь погостить у родных. – сказал отец маме перед нашей посадкой в поезд. – Присмотрю за твоей мамой и за нашим хозяйством. Если будет трудно, то приглашу родичей.

– Серёжа! Ты только не напивайся. – заволновалась мама. – Иначе обратно осколки полезут.

– Все будет хорошо! Не беспокойся! – сказал отец, закрывая за нами дверь в вагоне поезда.

Поезд тронулся с места и под колёсами застучали стыки рельс железной дороги. Из-за болезни, у меня не было никаких сил передвигаться по вагону в сторону мягкого купе.

Мама с трудом подняла меня на руки и понесла в купе. Хорошо, что в мягком купе была всего одна женщина с грудным ребёнком. Нам можно было свободно располагаться на своей нижней полке у тёплой батареи.

Как только мама положила меня на тёплый матрас нижней полки и укрыла меня тёплым одеялом, то сразу разомлел и вскоре уснул впервые за сутки моей болезни.

Сквозь сон слышал, как мама разговаривает с нашей попутчицей. Как опытная женщина с трёхлетним ребёнком, мама давала женщине какие-то советы насчёт здоровья грудного ребёнка.

Мне было не интересно слушать женские разговоры. Поэтому принял удобную позу на нижней полке и сразу крепко уснул.

– Надо ребёнка переодеть, чтобы он потный не простыл на улице. – услышал сквозь сон голос мамы и чей-то знакомый женский голос. – Мы вас отвезём сразу в больницу. После к нам в гости.

Открыл глаза и удивился тому, что мы были не в мягком купе поезда, а в зале ожидания на вокзале станции Грозный. В это лето, мы с отцом по каким-то делам на один день ездили в Грозный.

Поэтому хорошо запомнил зал ожидания вокзала станции Грозный. Здесь отец впервые купил мне, сливочное мороженное пломбир на палочке. Очень хорошее на вкус мороженное.

– Вот и внучок проснулся! – радостно, воскликнула бабушка Дуся, которая по возрасту была моложе моей мамы, именно у неё в семье была моя тётя Рая, которая умерла в возрасте четыре года.

Несмотря на то, что в зале ожидания было тепло, мне все равно было зябко от того, что меня раздели наголо и махровым полотенцем обтирали моё потное тело.

Настолько сильно пропотел во время сна в тёплом купе мягкого вагона, что стал совершенно здоров. Вся моя болезнь вышла из меня вместе с потом. Мне не хотелось кутаться обратно в тёплую одежду.

Так как почти круглый год бегал по двору в одних трусах и никогда не болел. Однако мама настояла на том, чтобы тепло оделся. Потому что мама считала меня больным. Мне не стоило сейчас быть легко одетым.

– Мама! Ну, совершенно здоров. – капризничал, когда мама напяливала мне на голову шапку.

– Это доктор определит состояние твоего здоровья. – серьёзным голосом, сказала мама. – Сейчас одевайся тепло и быстро в машину. Ивлевы сейчас тебя отвезут в госпиталь на проверку к врачу.

Из рассказов отца о войне с фашистами хорошо знал, что такое госпиталь на фронте. Именно из госпиталя выходят здоровыми раненные и искалеченные войной солдаты.

Не был солдатом, но прекрасно понимал, что меня должен хорошо осмотреть в госпитале врач, чтобы вышел из госпиталя вполне здоровый человеком.

Так же как мой отец здоровым выходил из госпиталя. Наши родственники Ивлевы жили у стены старой крепости Грозной. За стеной крепости находился военный госпиталь.

В этом госпитале в нескольких поколениях работали наши многочисленные родственники. Поэтому в госпитале приняли меня родственники, как у себя в гостях. Несмотря на мой бледный вид после болезни, меня родственники тискали в своих объятьях.

– Вы так и вполне здорового замнёте до смерти. – забеспокоилась мама, освобождая меня от объятий родственников. – Сейчас надо Шурку показать доктору. Как будет здоров, так мы сразу придём к вам в гости. Вот тогда можете его тискать сколько угодно. Хватит! Идём на приём к доктору.

Мама вытащила меня от объятий родственников и в сопровождении санитарки, мы пошли в приёмное отделение оформляться в больничную палату и на приём к доктору.

К моему удивлению, в приёмной палате вместо больных солдат находились дети, примерно моего возраста. Наверно тогда была эпидемия какого-то детского заболевания?

Иначе, почему так много детей на приём к доктору в военном госпитале для солдат. Может быть, мы все были дети инвалидов войны?

– Так молодой человек! Откройте рот. – серьёзным голосом, сказал мне доктор, когда мы по очереди зашли к доктору в кабинет. – Покажи язык. Покашляй! Сильно дыши! Не дыши! Сядь на стул.

Раздетого до трусов в прохладном кабинете доктор осматривал меня со всех сторон. Заглядывал мне в уши, в рот, в глаза. Прослушивал моё дыхание какими-то трубочками и с чашечкой.

Усадил меня на стул. Приказал мне положить ногу на ногу и резиновым молоточком стучал мне по коленам. Отчего мои ноги дрыгались и мне стало до того смешно, что стал ржать во весь голос.

– Вы зачем привезли его к нам? – с удивлением, доктор спросил маму. – Ребёнок вполне здоровый!

– У него двое суток была высокая температура. – стала оправдываться мама, насчёт моего здоровья. – Ребёнок не мог спать. У него была лихорадка. Мы вообще со дня рождения не были у детского врача. Вы должны хорошо обследовать моего сына. Может быть, у него что-то хроническое?

– Ладно! Уговорили! – согласился доктор с требованием мамы. – Оставим его на обследование.

Доктор выписал какие-то документы на размещения меня на обследование в больничной палате. Прямо из кабинета врача мы с мамой направились в кабинет дежурной санитарки.

Там с меня сняли последние трусы. Санитарка напялила на меня белую рубашку с белыми штанами. Мама в последний раз чмокнула меня в щеку и передала под сохранность медицинской сестре.

Конечно, никакой сестрой она мне не была. Просто в больнице есть такая должность, которая называется «медицинская сестра». Такой сестрой может быть женщина любого возраста?

Говорят, что бывают и «медицинские братья», но таких медицинских служащих тогда в госпитале не видел. Наверно они отдыхали от больных или работали в других больничных палатах военного госпиталя?

Медсестра привела меня в детскую палату к больным, где сильно пахло лекарствами. В палате было прохладно и простыни на кровати были прохладными.

Можно подумать, что меня сюда привели не выздоравливать, а наоборот заболеть. Ноя был вполне здоровый и не боялся, что обратно заболею. Ведь доктор с уверенностью сказал маме, что вполне здоровый ребёнок.

Кроме меня в палате было пятеро детей моего возраста. Один ребёнок спал. Двое из-под простыни наблюдали за мной, как разведчики за шпионом, который пришёл незванным на их территорию.

Двое других больных ревели так, что хоть уши затыкай от такого шума. Они не слышали, как реву. Если на меня сейчас найдёт, то они пожалеют о том, что находятся здесь рядом со мной.

– Если захочешь какать или писать, то горшок под кроватью. – сказала мне, медицинская сестра.

Кивнул головой в знак понимания и забрался под холодную простынь, чтобы согреться там и не заболеть. Болеть мне совсем не хотелось. Ведь рядом от госпиталя через стену старой крепости Грозной живут мои родственники. Мне так сильно хотелось побывать в гостях у родственников. Знал прекрасно, что в гостях всегда кормят разными сладостями и всякой вкуснятиной.

Не успел помечтать, как следует хорошо, в больничную палату пришла медсестра с тележкой, на которой были пачки и ампулы с лекарством, а также железная коробка со шприцами и иглами для уколов.

Мне такое пришлось видеть впервые. Поэтому просто наблюдал за передвижением медсестры с тележкой. Больные дети хором стали реветь. Видимо они знали, что приход медицинской сестры с лекарством и уколами, это больно и опасно для жизни.

Даже спящий больной ребёнок проснулся и стал вопить во всю глотку. На всякий случай, тоже стал плакать заодно с больными детьми. Подумал, что так надо вести себя в палате, чтобы не было мне больно.

– Ты чего разревелся? – с удивлением, спросила меня медицинская сестра. – Тебе ничего не прописали. Уколов тебе не назначили и лекарства на тебя не выписали. Жди медицинского осмотра.

Тут же перестал реветь и со страхом стал ждать медицинского осмотра, который мог назначить мне уколы и лекарство. Пока внимательно наблюдал, как медсестра заставляет детей пить лекарство, а после в голые задницы больных детей вкалывает им уколы.

Отчего дети орут в два раза сильнее, чем до того времени, как медицинская сестра давала им не вкусные лекарства. Прошло около часу после того, как медсестра поила больных детей отвратительными лекарствами и ставила им уколы в задницу.

Затем к нам кухарка привезла на тележке завтрак. Наверно решили нас подкрепить перед медицинским осмотром? Мама уже научила меня считать до десяти.

Поэтому сразу сообразил, что в отличии лекарства и уколов, завтрак на меня записали. Видимо беспокоились, что могу умереть с голоду до медицинского осмотра.

За что им позже отвечать. После домашней пищи больничный завтрак мне не понравился. Какой-то пресный и совсем не вкусный завтрак. Даже молочный суп и напиток непонятно из чего были сделаны.

Нет ни вкуса соли и нет вкуса сладости. Если раненых солдат так кормят, то сомневаюсь, что они из госпиталя выписываются вполне здоровыми людьми.

Может быть, в пищу что-то добавляют, чтобы больные выздоравливали? Раз доктор выписал такую пищу, то надо её кушать. Даже если не нравится. Когда завтрак закончился, кухарка убрала за нами грязную посуду, в нашей больничной палате наступила тишина.

Видимо больные дети затаились в ожидании медицинского осмотра. Тоже молчал в ожидании неизвестно чего. Мало ли что могло произойти после такого невкусного завтрака.

Например, мне, вдруг захотелось на горшок. Садиться на горшок почему-то не решался. Неудобно сидеть на горшке перед больными детьми, и медицинская сестра может меня заругать.

Однако у медсестры было совсем другое на уме. В нашу палату пришла санитарка с запасными горшками. Не спрашивая у нас согласия, она всех шестерых больных разом усадила на горшки рядом с кроватями.

Результат её труда не заставил себя долго ждать. В больничной палате появился такой отвратительный запах, что пришлось проветривать помещение, чтобы мы не умерли от собственного отвратительного запаха.

Медсестра и санитарка открыли форточки, а также двери. Держали помещение открытым до тех пор, пока санитарка убрала из палаты наши горшки.

Не успели мы прийти в себя от собственной вони, как к нам в палату явился долгожданный медицинский осмотр в количестве двух врачей и нескольких медицинских сестёр. Нас стали осматривать по очереди.

Начали с больного мальчишки, который утром спал и не ожидал, что с него начнут медицинский осмотр. Теперь он хныкал при виде врачей и медсестёр. Хотя в это время никто не собирался поить его отвратительными лекарствами и делать ему больные уколы.

– Так, больной, на что вы жалуетесь? – подозрительно разглядывая меня, поинтересовался врач.

– У меня ничего не болит. – с удивлением кривя губы, ответил, доктору, который спросил у меня.

– Тогда зачем вы к нам приехали? Если у вас ничего не болит, – вытаращив глаза, спросил доктор.

– Мы с мамой приехали сюда в гости. – откровенно, признался. – У нас здесь родственники живут.

– На случай профилактики сделай гостю больной укол. – сказал доктор медицинской сестре. – Если к утреннему осмотру здоровье гостя не станет хуже, то можешь его подготовить к выписке домой.

После того, как закончился медицинский осмотр, доктора и медсестры ушли из нашей палаты. Подумал, что доктор пошутил со мной насчёт укола.

Довольный своим предположением насчёт укола от всей души показал свой язык партнёрам по больничной палате. Больные дети, наученные своим положением в больничной палате, никак не отреагировали на мой задорный язык. Видимо дети точно знали, что доктора насчёт уколов не шутят. Раз обещали, то укол сделают.

Прошло несколько минут ожидания, прежде чем в палату к нам пришла медсестра с большой иглой и со шприцом наполненным лекарством. При виде шприца с иглой сразу стал хныкать, а дети довольные результатом хихикали у себя в кроватях под простынями.

Медсестра положила меня на живот словно жертву. Протёрла мою задницу ваткой с нашатырным спиртом и кольнула. Укол оказался ни настолько болезненным, как мне казалось раньше. Даже не вскрикнул от боли.

К тому же знал давно, от своих родственников, что казаки не плачут. Поэтому терпел, так как мечтал стать атаманом. После укола медсестра надела обратно мне больничные штаны.

Перевернула обратно на спину. Прикрыла меня до подбородка белой простыней и ушла из нашей палаты. Больные дети, притихшие на время процедуры, которую проделывала со мной медсестра, после её ухода из нашей палаты, дети разом показали мне свои языки.

Со злостью показал им свой кулак. Хотел было встать с постели, чтобы надавать им тумачков за показанные языки. Но тут, же передумал. Мне стало жалко детей.

Так как в отличие от меня детей кололи каждый день. В то время как со дня своего рождения запомнил всего лишь один укол, который сделали сейчас. Видимо медицинские процедуры, невкусный завтрак, медицинский осмотр и укол действовали на меня.

Точнее на мой организм. Меня стало клонить ко сну. Посмотрел на больных детей. Они тоже укладывались спать. Наверно что-то было в продуктах или в уколах, отчего нас так разморило?

Тоже также как больные дети повозился в своей больничной постели и вскоре крепко уснул. Разбудил меня не звук, а аромат фруктов и домашней пищи. Покрутил носом во сне и открыл глаза.

Над собой увидел довольные лица родственников и мамы. Все улыбались. При виде того, что открыл глаза меня стали чмокать со всех сторон и говорить мне приятные слова насчёт моего здоровья. Затем возле моей кровати на тумбочку положили разные фрукты и много продуктов.

– Сынок! Кушай! Тебе надо поправляться, чтобы не болеть. – сказала мама, усаживая меня в кровати. – Знаю, что в больнице никогда не накормят вкусной пищей, а фрукты тут редко бывают.

После маминых слов посмотрел на больных детей, у которых при виде такого изобилия разных фруктов и домашних продуктов просто слюни текли. Знал по себе, что после больничной пищи ничего не хочется, как только поседеть на горшке. Поэтому встал с постели. Напялил себе на ноги больничные шлёпанцы.

Взял с тумбочки сетку-авоську с красными яблоками. По кругу прошёл по больничной палате и каждому больному ребёнку прямо в руки дал по самому большому яблоку. Взрослые ничего ни стали говорить.

Видимо понимали, что если будут хвалить меня за такой поступок, то своими похвалами обидят больных детей. Мне тоже будет как-то неприятно слышать похвалу в свой адрес.

Ведь дал яблоки больным детям, прежде всего не из-за того, что было жалко детей. Мне просто хотелось поделиться с детьми ароматными яблоками.

Как мы делаем каждый день у себя во дворе среди детей наших соседей. Там среди нас нет больных. Мы просто друзья, которые делятся друг с другом тем, что имеет каждый из нас. Отчего нам всем хорошо.

Мама и родственники были у меня в гостях не долго. Сегодня рабочий день. У каждого есть свои дела дома и на работе. Видимо все пришли ко мне в гости во время своего обеденного перерыва.

Поэтому родственники чмокнули меня в щеку на прощание и пошли из нашей палаты по своим делам. Мама задержалась всего на одну минутку. Поговорила с доктором возле моей кровати о моём здоровье.

Чмокнула меня на прощание в щеку и тут же поспешила в гости к нашим родственникам. После ухода мамы от меня из больничной палаты разделил все свои фрукты, овощи и продукты больным детям в нашей палате.

Был вполне здоров и прекрасно знал, что завтра утром меня выпишут из госпиталя. Дома у родственников меня ждёт такое изобилие, что любой может позавидовать.

Брать с собой из палаты мне совсем ничего не надо. Поэтому лучше пусть дети кушают. Из всего того, что принесли мне родственники, оставил себе только один плод по своему составу похожий на холодец или на кисель из фруктового желе.

Фрукт был по величине больше моего кулака. Полупрозрачного цвета с жёлтым оттенком и с зёрнышками внутри, он трясся словно холодец. От плода исходил удивительный фруктовый аромат.

Единственный плод, который нельзя было разделить, так как от прикосновения ножа плод мог лопнуть и расплзтись по ладони моей руки. Такой плод можно было только скушать за один раз. Название этому плоду было «ИНЖИР».

Наверно так такой плод называли по его спелому состоянию, который был похож на какой-то жир? Ни стал долго любоваться инжиром. Так как у меня уже слюни стали течь при мыслях о вкусном плоде. Поэтому быстро вонзил свои острые зубы в инжир, как хищник вонзает свои клыки в жертву. Плод тут же лопнул от моих зубов.

Жидкая масса плода с ароматным сладким вкусом расплзлась у меня порукам и по лицу. Больные дети, следящие за моим плодом, тут же стали смеяться. Совсем не обиделся на детей. Тоже стал смеяться над тем, что не смог покушать плод.

– Здесь больница, а не детский садик! – закричала медсестра, когда вбежала в палату на наш смех.

Больные дети не унимались от смеха и показывали пальцами на меня. При виде меня испачканного в мякоть сладкого инжира, медсестра тоже стала громко смеяться, как озорная девчонка.

На наш дружный смех прибежали санитарки и дежурный врач по детскому отделению госпиталя. Насмеявшись вдоволь, медсестра и санитарки, по приказу дежурного врача стали наводить порядок в нашей палате.

Расшумевшихся детей уложили обратно в постели. Мою больничную одежду и постель пришлось менять. Так как больничное бельё было испачкано сладкой мякотью инжира.

Едва навели порядок в нашей палате, как наступило время обеденного перерыва. К нам прикатили тележку с больничным обедом, на который мы не могли даже смотреть, ни то, чтобы кушать после того, что мы кушали из домашних продуктов, которые принесли мне в палату родственники.

Кухарке ничего не оставалось делать, как только повернуть со своей тележкой на кухню. С утра болевшие дети после сытной пищи веселились к вечеру так, что дежурный врач припугнул нас выпиской утром домой из госпиталя.

От такого известия со стороны дежурного врача мы стали веселиться ещё больше, чтобы нас досрочно выгнали домой из больничной палаты. Мы успокоились тогда, когда в палату пришёл офицер в форме и пригрозил посадить нас до утра в карцер, наполненный мышами и крысами.

Мы прекрасно понимали, что офицер этого не сделает. Так как мы больные дети, а не провинившиеся солдаты. Однако мы прекрасно понимали, что офицера надо слушать.

Потому что мы, тоже, когда станем солдатами. Нам надо привыкать к порядку. Вполне сытые и довольные собой, мы больше не шумели. Дождавшись вечернего медицинского осмотра, мы отказались от ужина.

Сослались на то, что сытые и у нас в тумбочках ещё остались продукты от моих родственников. Кухарка ни стала настаивать на том, что мы обязаны кушать больничные продукты.

Видимо ей самой не нравилось то, что готовят в госпитале для больных. Как только ушла дежурная медсестра из нашей палаты и оставила у нас только дежурный свет на ночь, мы поняли, что пора нам спать.

Надо набираться сил во время сна, чтобы нас завтра обязательно выписали из госпиталя домой. Мы немного посекретничали между собой перед сном и вскоре стали принимать удобные позы, которые нужны людям во время хорошего и здорового сна.

Вполне возможно, что только здоровым детям сняться хорошие сны из сказок, которые читают и рассказывают на ночь детям родители, а также бабушки и дедушки?

Не вырос из того возраста, когда детям перестают читать и рассказывать сказки на ночь. Но в палате больных детей почему-то никто не читает и не рассказывает детских сказок. Наверно поэтому дети долго болеют?

Однако был вполне здоров и в эту ночь перед сном мог обойтись без сказок, которые каждый вечер на ночь рассказывают и читают мне бабушка и мама.

Сам придумал себе красивую сказку о храбром мальчике, которого злые люди называли «Непобедимый Чёрный Ужас». Непобедимый Чёрный Ужас наводил страх на тех людей, кто хотел обидеть детей и прийти к ним в дом с войной.

– Однажды! Когда злые люди принялись вооружаться против мирных людей. – стал на ночь таинственно рассказывать свою сказку больным детям. – К злым людям пришёл во всем чёрном храбрый мальчик. Вокруг него горел огонь мести. В руках у храброго мальчика был меч. На чёрном щите горела огромная звезда. В середине звезды надпись: «Непобедимый Чёрный Ужас».

Долго рассказывал детям свою ужасную сказку, продолжение которой придумывал тут же. В полумраке больничной палаты видел, как трясутся от страха простыни моих слушателей.

Отчего меня буквально распирало от моих фантазий, которые приходили ко мне в голову неизвестно откуда. Но продолжал увлечённо рассказывать детям ужасную сказку, пока не обратил своего внимания на то, что мои слушатели давно спят.

Тогда тоже укутался в простыню и тут же заснул. Мне не очень-то верится в чудеса и в случайные совпадения. Но то, что случилось утром следующего дня, поразило не только меня, а также дежурного врача и наших родителей.

Проснулись мы все шестеро совершенно здоровыми. Мало того, после медицинского осмотра к нам в больничную палату не сговариваясь, пришли все наши мамы.

Тут начался такой шум и визг, что дежурному врачу пришлось сдержать своё слово. Нас всех шестерых выписали домой, как вполне здоровыми детьми.

Радости нашей не было границ. Мы так развеселились, что нас вынуждены были быстро выпроводить за пределы военного госпиталя, чтобы мы на радостях что-то не натворили.

– Ну, раз нам так крупно повезла со здоровьем, то это дело надо отметить. – предложила моя мама. – Давайте сходим в зоопарк посмотрим зверей или в городской парк покатаемся на каруселях.

– День сегодня солнечный! По такому случаю можно сходит в зоопарк и в городской парк. – поддержала предложение моей мамы, мама Игоря. – Только мороженого сегодня кушать не будем.

– Обойдёмся пирожными, конфетами и какао с молоком. – уточнила мама длинноногого Степана.

Мы радостно завизжали и тут же отправились пешком к мосту через речку Сунжа, которая разделяла Грозный на две половинки. На одной половинке города находился городской парк, а на другой половинке города расположился передвижной московский зоопарк.

Так что мы могли вдоволь накататься на каруселях и качелях в городском парке, а затем с пирожными и с конфетами отправиться в зоопарк посмотреть зверушек.

Какао с молоком продавалось в буфетах городского парка и передвижного московского зоопарка. Так что какао с молоком можно пить везде. Все шесть мам с радостью и с волнением наблюдали весь день за резвящимися детьми.

Мы наслаждались своим выздоровлением и отдыхом на полную катушку. Ведь не каждый день бывает такой счастливый случай, когда в один день можно покататься на каруселях и качелях в городском парке, а затем пойти в зоопарк полюбоваться забавными зверюшками, которые скоро уедут от нас.

К родственникам Ивлевым мы пришли под вечер. Они уже волновались за нас, когда узнали, что меня выписали из военного госпиталя, а домой к родственникам мы после больницы не пришли.

Бабушка Дуся думала, что мы прямо с госпиталя отправились на станцию, чтобы уехать к себе домой в Гудермес.

Даже вещи свои не забрали, которые мама привезла со мной в Грозный. Бабушка стала рассказывать, как она переживала за то, что мы уехали домой, не попрощавшись.

– Вы устанете от нашего присутствия в гостях. – сказала мама, бабушке Дусе. – У нас места хватит гостям. – отмахнулась бабушка Дуся. – Можете быть в гостях сколько вам будет угодно.

Мы с мамой были в гостях, в Грозном целую неделю. Ведь наших родственников в Грозном почти столько, сколько в Гудермесе. В каждом районе имеется несколько семей родственников, а на старых промыслах Грозного проживает десять семей.

Так что нам даже недели не хватило, чтобы побывать в гостях у родственников хотя бы по одному дню. Приходилось утром ехать к одним родственникам в гости.

После обеда отправлялись к другим родственникам в гости. Утром следующего дня продолжали свои поездки в гости к другим родственникам. Так мы с мамой катались между родственниками на городских трамваях, автобусах и троллейбусах.

Только успевали бумажные деньги менять на мелочь, чтобы под расчёт рассчитываться за свой проезд на городском транспорте.

Прекратили свои поездки по гостям только тогда, когда у мамы осталось в кармане денег на обратный поезд из станции Грозный до станции Гудермес. До дома шли пешком.

8. Сом людоед.

Мы с мамой сильно устали, за неделю наших путешествий в гостях у родственников в Грозном. Когда приехали на поезде на станцию Гудермес и оттуда шли несколько километров пешком через старый автомобильный мост.

Еле ноги дотащили до речки на левом берегу возле своего дома. Помыли в речке ноги с дороги и в развалку пошли к себе в дом. Там прямо с порога прошли к своим кроватям.

Разделись и сразу легли спать. Нам было не до разговоров и не до хозяйства. Проспали мы почти сутки. Не знаю, как мама, а проснулся только во второй половине дня.

Мог спать и больше, но мой желудок урчал и требовал кушать. Поэтому прямо с постели отправился под навес к умывальнику, а оттуда бегом к русской печки, которая стояла во дворе.

Летом все наши соседи и квартиранты беженцы-евреи, вместе с нашей семьёй готовили пищу и пекли хлеб. В холодное время года мы пользовались русской печкой, которая стояла у нас большой комнате между спальнями.

Когда топили печку, то её горячие стенки обогревали сразу три спальни и большую комнату, которую называли зал. Русской печкой в доме пользовалась наша семья и семья евреев беженцев.

Дети обеих семей в холодное время года валом спали на верху русской печки. До холодов было ещё далеко. Дети обеих семей и наших соседей постоянно таскали что-нибудь вкусненькое из русской печки.

Никто из взрослых нас не гонял за наши кошачьи повадки таскать и чугушков лакомые кусочки. Мы все были дети, рождённые сразу после войны с фашистами.

В городах магазины пустые и в сельской местности не у всех имеется своё домашнее хозяйство. Поэтому наш относительно богатый с хозяйством двор был открыт для всех соседских детей.

– Шурка! Иди разбирать наш манеж. – кричали мне друзья по детскому манежу. – Нам разрешили разобрать манеж на дрова. Будет чем печку топить и на костре шашлыки из барашка жарить.

– Сейчас приду! – кричу от русской печки. – Только наемся, чтобы силы набраться. Сутки ни ел.

Наевшись от пуза в развалку, пошёл в сторону нашего бывшего манежа. Мы давно выросли с этого манежа. Постоянно выбирались из манежа тайком от родителей, чтобы стащить что-нибудь из русской печки.

Несколько раз во время драк между собой в манеже мы буквально разваливали манеж на части. Родители собирали наш общий манеж. Но мы обратно ломали своё заточение.

– Хватит! Надоело мне ремонтировать манеж. – сгоряча, сказал мой отец, когда мы в который раз разломали манеж. – Наши дети выросли! Надо манеж разобрать на дрова. Здесь много досок.

Наверно кто-то из родителей доверил детям инструмент или дети воспользовались отсутствием родителей и стащили из кладовки инструмент, чтобы самостоятельно разобрать на дрова наш манеж в отсутствии родителей?

Пока родители не передумали и вновь собрали манеж к нашему заточению. Почти два года мы ползали и учились ходить по этому манежу. Теперь нам всем от трёх до пяти лет.

По словам моего отца, мы стали вполне самостоятельные, чтобы передвигаться по двору и заниматься каким-то делом по хозяйству, а не таскать лакомые кусочки из русской печки.

– Ах вы, сорванцы! – закричала моя мама, выходя из русской бани с мокрой тряпкой. – Сейчас вам дам хорошей трёпки. Кто вам разрешил таскать инструмент из кладовки и разбирать манеж?

– Нам Шуркин папа сказал разобрать манеж на дрова. – закричала детвора, разбегаясь от мокрой тряпки в разные стороны. – Дядя Серёжа сказал, что здесь хватит дров на печку и на шашлыки.

– Ну, раз дядя Серёжа разрешил, то разбирайте манеж на дрова. – с улыбкой на лице, сказала мама. – Осторожно пользуйтесь острым инструментом, чтобы не поранились. После уберите инструмент в кладовку и дрова от манежа уберите под навес рядом с баней. Вас за это чем-то угощу.

К вечеру от нашего манежа не осталось и следа. Мы доски все перетаскали под навес, куда мама моя показала. Инструмент убрали обратно в кладовку.

Накормили своё многочисленное хозяйство. К приходу родителей с работы, мы расселись за длинным столом в ожидании чего-нибудь вкусенького от моей мамы.

Наши домашние кошки и собаки крутились у наших ног. В ожидании лакомых кусочков, которыми оказались пирожки с разными начинками и свежий хлебный квас.

С этого дня мы стали хорошими помощниками своим родителям. Каждое утро помогали пастуху выгонять на пастбище домашнюю скотину. Затем выгоняли кормиться и плавать на речку домашнюю водоплавающую птицу.

Куры с петухами, а также индюки и цесарки кормились сами. Наши домашние кошки и собаки постоянно были с нами и принимали посильное участие в помощи нам по хозяйству.

Псы гоняли от домашней птицы чужих псов. Кошки постоянно метили свою территорию и вступали в разборки с посторонними кошками. В середине дня мы подметали наш огромный двор и следили за порядком вокруг нашего двора и дома. Все были каждый день при деле.

Мне было три года, когда в Старом хуторе и по Гудермесу поползли слухи, что в реке Белка появилось какое-то чудище, которое поедает домашнюю водоплавающую птицу и даже маленьких детей.

Единственное место отдыха местного населения, полусухая речка опустела. Как говорили местные люди, что в этой речке воды синичке по яички.

Теперь все жители окрестных мест опасались купаться и отдыхать на берегу мелкой речки. Даже свою водоплавающую птицу мы не оставляли в речке без присмотра. Дети и взрослые, днём приглядывали за утками и гусями.

– Откуда здесь может появиться людоед, если тут воды всюду по колена? – с удивлением, возмущался дедушка Гурей. – Помню те времена, когда сюда к нам в Белку с Терек через Сунжу заходили метать икру осётра и сомы разводились до метра размером. Так это когда было! Аж в царские времена! Сейчас даже сазан и плотва редко попадают на крючок.

В основном пескарь да голавль попадаются. С такой рыбы ухи много не наваришь. Такую мелкую рыбу только на корм домашним птицам, кошкам и собакам.

Больше ничего в нашей речке не водится. Так что мой внучек может спокойно выгонять своих гусей на нашу речку. Там скоро и лягушки не будут водиться.

Гудермес находился на правом берегу речки Белка. В то время как совхоз Кундухова с колхозом Победа и развалины хутора Ивлевых находились на левом берегу речки.

Со стороны города берег речки был обрывистый. С левой стороны речки берег пологий. Наш огромный дом стоял недалеко от развалин хутора Ивлевых и вблизи речки.

Тогда ещё ходил в детский садик, который был близко от нашего дома. После садика возвращался домой самостоятельно. Нянечки детского садика лишь издали поглядывали за мной, чтобы вместо дома не ушёл в другом направлении.

Во время сильных дождей и весенних паводков вода в речке резко поднималась. Даже иногда доходила вода из речки почти до нашего двора. По этой причине мои родители решили, что когда подрасту и пойду в школу, то мы купим дом ближе к железнодорожному вокзалу станции Гудермес.

Там близко мне в школу, маме на работу в ФЗУ (училище), рядом фотография, где отец работал фотографом-портретистом. Туда вода с речки никогда не поднимется.

К тому же там намечали построить современный посёлок городского типа. Пока мы жили вблизи речки, то в засушливые времена выгонял наших гусей и уток искупаться в жару на мелководье. Сам в это время сидел на берегу речки с удочкой и с трофейным немецким котелком, наполненным водой, куда запускал пойманных на удочку пескарей.

Рядом со мной сидели кот Барсик и пёс Тарзан, которые по очереди вылавливали из трофейного котелка пойманных мной пескарей и тут же съедали рыбку.

После такой ловли рыбы чаще всего возвращался с пустым котелком. Зато кот и пёс были сыты. Гуси и утки тоже лакомились на мелководье рачками, разными ракушками и вытаскивали из тины что-то вкусное. Мы все были довольны отдыхом.

– Сынок! Выгони гусей и уток на речку. – сказала мама в выходной день. – Сегодня жарко. Пусть гуси и утки поплещутся на мелководье. Ты тоже можешь искупаться там. Только к заводу не спускайся. Там глубоко и мало ли что в заводи водится. Может быть, бабы не зря судачат, что там водится рыба людоед? Будь осторожным и будь все время у меня на виду. Беспокоюсь за тебя.

Не представляю, как можно не пойти туда, куда нельзя ходить? Ведь там, конечно, есть самое интересное и самое таинственное, на что надо непременно посмотреть.

Может быть, именно там водится рыба кит? Из сказок, которые каждый вечер перед сном читают мне по очереди мама и бабушка Нюся. Мне обязательно надо заглянуть в таинственную заводь и посмотреть на чертей, которые водятся в тихом омуте. Может быть, они не такие страшные, как про них рассказывают?

У нас утки, особенно гуси, были жирные и огромные, мне почти по пояс. К тому же гуси были такие ленивые, что их, словно стадо баранов, надо было выгонять хворостиной к реке, чтобы они там освежились в воде и меньше гоготали во дворе возле нашего дома.

Наши утки, и гуси были ужасные попрошайки. При виде моей мамы утки и гуси поднимали такой шум, что только корм, который давала мама уткам и гусям, а также прогулка к речке могли успокоить наших уток и гусей.

Вот так и в этот день. Пошёл к речке. В сопровождении верных друзей, кота Барсика и пса Тарзана. Через плечо с удочкой и с трофейным котелком. С земляными червями в баночке и с хворостиной в руке стал выгонять стадо горластых гусей и уток к реке.

Нетерпеливые кот Барсик и пёс Тарзан, как кавказские овчарки у стада баранов, бегали рядом со мной и старались как можно быстрее выгнать стадо гусей и уток к речке.

Ведь коту Барсику и псу Тарзану хотелось покушать свежей рыбки. Дома у нас во дворе свежей рыбки не было. Рыбку надо поймать на мелководье. Как только мы добрались до мелководья, гуси и утки без нашей помощи запрудили все мелководье.

Стали нырять и плескаться. Гуси и утки так сильно разгулялись, что разогнали всех пес-карей на мелководье. На сегодня о рыбной ловле на мелководье мы могли забыть.

Зато рядом с нами, всего метров сто от мелководья, в заводи и в тихом омуте заманчиво плескалась разная рыба или черти в тихом омуте резвились.

Кот Барсик и пёс Тарзан постоянно поглядывали туда, где резвится рыба и с голодным видом облизывались от зависти, что рыба совсем рядом, а мы сидим здесь на мелководье и ждём, когда рыба сама заплывёт сюда к нам. Конечно, такого не будет.

Наконец-то терпение наше лопнуло. Смотал удочку и перешёл на край заводи. Кот и пёс поспешили следом за мной. Гуси и утки тоже по воде подтянулись ближе к заводи, хотя мы их к себе на заводь не приглашали.

Мало того, что гуси и утки нам всю рыбу, разогнали на мелководье, они ещё на заводи и в тихом омуте балаган устроили. Словно корабли в открытом море гуси плавают взад-вперёд по всей водной глади. Утки похожие на катера, мотаются по воде между гусями.

Наверно потому, что в заводи и в тихом омуте воды было много, глубина мне с ручками и с ножками, рыба не обращала никакого внимания на присутствие стада гусей и уток?

Рыба все так же плескалась от радости того, что пришёл её ловить. Почти сразу стала клевать рыба на мой крючок. Впервые в жизни стал ловить такую большую рыбу, что она даже в моём трофейном котелке не помещалась.

Барсик и Тарзан с удивлением, а также с испугом смотрели на огромную рыбу, пойманную мной. Они даже не решались позавтракать такой большой рыбой, которая была больше кота.

Ведь моим друзьям невозможно было справиться с такой большой рыбой. Сам едва справлялся с пойманной рыбой. С трудом снимал рыбу с крючка и отбрасывал рыбу как можно дальше от воды на траву, чтобы рыба не прыгнула обратно в воду заводи и омута нашей речки.

Когда подойдёт время обеда, моя мама может обнаружить, что мы не послушались её. Перебрались от мелководья к заводи и к тихому омуту. Может поругать нас и нашлёпать нам мокрой тряпкой.

Решил перебраться обратно на мелководье и оттуда отправиться домой на обед. Как только подходит время обеда, так мама издали кричит «Гуси! Гуси! Гуси!».

Вечно голодные гуси сами выбирают из мелководья и спешат быстрее нас вернуться на обед во двор. Можно подумать, что, а также кот и пёс съедим гусиный корм.

Нас мама кормила отдельно за столом с детворой. Не успел собрать на кулан с травы уцелевшую рыбу после сытного завтрака Барсика и Тарзана, как на воде в заводи и в тихом омуте стало твориться что-то необычное.

Вода стала бурлить и пениться. Словно воду погнали от Терека через Сунжу обратно к нам в речку. Наши гуси утки разом всполошились. Словно ошпаренная кипятком, водоплавающая птица начала выскакивать из воды на берег.

Не дождавшись от моей мамы приглашения на обед, гуси и утки в испуге стали спасаться в сторону нашего двора.

Барсик и Тарзан тоже попятились подальше от воды, ошетились в защитной позе.

Они в каждую секунду готовы были дать отпор неизвестному врагу, вышедшему из воды на берег. Конечно, прекрасно понимал, что тот, кто живёт в воде, на суши жить не может.

Однако, на всякий случай, отошёл подальше от воды и стал наблюдать за волнами, которые разбегались в разные стороны по заводи и тихому омуту, от того существа, которое находилось в глубине воды.

Когда почти все гуси и утки от страха повыскакивали из воды на сушу, а самый жирный гусь был далеко от берега. В это самое время над водой показалась огромная круглая голова неизвестного мне чудовища.

Открылась огромная пасть с длинными рыбьими усами и в тоже мгновения наш самый жирный гусь исчез в огромной пасти неизвестного мне водяного чудовища. Чудовище вместе с нашим гусем исчезло в воде тихого омута. Вода на речке перестала бурлить.

– Он сожрал нашего жирного гуся! – едва опомнившись, закричал во всю глотку и побежал домой.

– Кого сожрал?! – всполошилась мама, выбегая навстречу мне. – Кто тебя обидел? Что случилось?

– Со мной ничего не случилось. – немного успокоившись, ответил. – Мы все были на заводи. Гуси и утки купались в речке. Ловил рыбу. Вдруг, вода в заводи забурлила. Гуси и утки в страхе повыскакивали из воды на сушу. Самый жирный гусь был далеко от берега. Чудище вынырнуло из воды и сожрало нашего жирного гуся. Мы еле успели удрать от речки. Там ужас что творилось.

– Знаю, что ты у нас хороший фантазёр и выдумщик. – успокоившись за меня, сказала мама. – Вот только к заводи вы зря ходили. Предупреждала вас, что там глубоко и очень опасно. Вы могли утонуть в заводи. Туда даже взрослые не ходят купаться. Успокойся и иди за стол покушать.

– Мама! Никакой не фантазёр и не выдумщик! – вытаращив глаза, стал доказывать я-то, что сказал правду. – Ты посмотри, как перепуганы гуси и утки. Барсик и Тарзан тоже прятались от страха под нашим домом. Можешь посчитать наших гусей. Одного нашего самого жирного гуся нет.

Мама серьёзными глазами посмотрела на меня. Затем мама перевела взгляд на гусей и на уток, а также на кота и на пса. Хищники никак не могли прийти в себя и с испуга подавали голос из-под нашего дома.

Мама стала считать наших гусей. Когда мама убедилась полностью в том, что не фантазировал, а говорил правду. Мама сразу стала загонять гусей и всю нашу живность в общий хлев под замок.

Меня, кота и пса мама загнала в дом под присмотр своей мамы, моей бабушки Нюси, которая парализованная на обе ноги лежала на кровати. Мы слушались бабушку Нюсю. Могли остаться рядом с ней под присмотром. Пока мама разберётся на речке с чудищем.

– Мама! Ты присмотри за нашими шалопаями. – сказала мама бабушки Нюси. – Схожу в Старый хутор. Посоветуюсь с нашими стариками, чтобы они разобрались с тем, кто живёт в заводи и в тихом омуте. Пусть даже там будут черти. С ними надо кончать. Не могу позволить, чтобы пропадали в воде наши жирные гуси. За детей тоже опасаюсь. Наша детвора всё время купается на речке.

– Ты с Гуреем поговори. – стала подсказывать бабушка, маме. – Он у нас спец по рыбной ловле.

Мама ушла в сторону висячего моста через речку. Барсик, Тарзан и остались рядом с бабушкой, которая после ухода из дома моей мамы тут же стала рассказывать нам разные удивительные истории про жизнь терских казаков.

Кот и пёс, свернувшись клубком, друг к другу лежали рядом с кроватью бабушки. Развалился рядом в плетёном кресле качалки и слушал бабушкины сказки.

Мама вернулась домой из Старого хутора только под вечер вместе с дедушкой Гуреем. Сразу оба стали подробно выслушивать меня о том, что произошло на заводи сегодня перед обедом.

Выслушав меня, дедушка полностью убедился в том, что в этот раз не вру и не фантазирую. Дедушка отправился обратно к себе в Старый хутор, чтобы основательно подготовиться к ловле ужасного чуда в заводи и в омуте нашей речки. Знал, что дедушка Гурей был заядлый рыбак.

Несколько суток дедушка пропадал рядом с заводью и тихим омутом у нас на речки. Иногда появлялся с огромным куканом пойманной рыбы. Отдавал пойманную рыбу моей маме на уху.

Сам высыпался на сеновале и обратно уходил со снастями на рыбалку к заводи и тихому омуту. Никто не знал, что там, в заводе и в тихом омуте видел дедушка Гурей. То, что он просто так никуда не ходит, это прекрасно знали все. Родственники, соседи и станичники ожидали ужасного финала.

– Сергей! Подстрели мне пять жирных ворон. – обратился с просьбой к моему отцу, дедушка Гурей через неделю рыбалки в заводи и в тихом омуте. – Мария! Ты мне зажарь и свари этих ворон.

К вечеру этого дня на веранде у дома, на верёвке болталось с десяток жирных ворон. Кот и пёс, заглатывая слюну, любовались почти готовой пищей. Дедушка Гурей по одной вороне отдал нашим домашним хищникам.

Две вороны мама сварила прямо с перьями и с кишками в котле, в котором варила корм нашим свиньям. Двух ворон дедушка осмолил над костром и помазал каким-то вонючим маслом.

Двух ворон он повесил под деревом на пару дней, чтобы вороны протухли до червей и сильно воняли. Отсюда нам стало понятно, что чудовище питается дохлыми воронами.

– Наверно чертей собрался наш дед ловить в тихом омуте? – спросил у своей мамы под вечер.

– Дед ничего не говорит. – ответила мама. – Зря он ничего не затевает. Скоро все будет известно.

Пока мама и мой отец занимались подготовкой ворон для дедушки, сам он готовился основательно к тому, что хотел поймать в заводи или в тихом омуте.

Принёс длину верёвку толщиной с палец. На верёвку привязал крючок такой огромный, ну, прямо с мою руку. Откуда-то дед достал багор, топор с длинной деревянной ручкой.

В последний день своей подготовки он на подводе привёз просмолённую лодку кругло донку. Снаряжение отвезли к речке, спустили на воду в заводи.

Обратно дедушка пропал из нашего вида на несколько дней. Все наши родственники стали поговаривать, что наверно нашего деда черти к себе в тихий омут, забрали или, утонул дед в заводи?

Даже поговаривали о том, что в который раз придётся оплакивать деда без его трупа. Ведь несколько раз было в жизни деда, что его объявляли умершим, а он являлся целым и невредимым.

– Ничего с нашим дедом не случится. – уверенно, сказала бабушка Маня, двойняшки дедушки Гурей. – Завтра утром он явится целым и невредимым. Привезёт на подводе то, чего опасались люди.

Мы прекрасно знали, что если бабушка Маня так сказала, то так точно все произойдёт. Каким-то образом эти близнецы даже на расстоянии друг от друга могли общаться между собой разумом. Они прекрасно знали, где находится кто-то из них, что делает и даже о чём думает.

Поэтому мы все были спокойны за двойняшек Гурей и Маню. Если они спокойны, то все будет рядом хорошо. Рано утром, когда только проснулись петухи, а солнечные лучи едва пробивались со стороны реки, во дворе стал лаять Тарзан.

Наш пёс почём зря не лаял. Значить на то были у него уважительные причины. На лай пса вышли мои родители. Следом за ними во двор с сонным видом вышел. Тарзан лаял в сторону речки.

Вымыл под колонкой с водой своё сонное лицо и стал всматриваться в сторону речки. Рано утром был сильный туман, и сразу было не разглядеть. От речной заводи медленно двигалась подводка, за которой что-то волочилось. Впереди подводой шёл дедушка Гурей.

Мы терпеливо ждали, когда дед вместе со своей подводой прибудет к нашему двору. Даже кот и пёс не спешили встретить нашего деда. Видимо кот и пёс боялись того, кто был в подводке и волочился следом за подводой по земле. Нам тоже было страшно увидеть кого-то.

– Почти две недели высматривал его. – сказал дед, показывая на то, что лежало в подводке. – Он, зараза, сожрал всех приготовленных на приманку ворон. На последнюю ворону его поймал.

Посмотрел в подводку и обалдел от того, что там увидел. В подводке лежал огромный сом. Такой большой, что круглая голова сома была на всю ширину подводки.

Туловище рыбы занимало вторую часть подводки, а длинный хвост тащился следом за огромной подводкой. Такой огромной речной рыбы больше никогда не видел.

Просто удивительно, как такой гигант мог вырасти, в общем-то, в мелкой речке, которую в жаркое время года можно было детям переходить по колено.

Не прошло и часа, как наш двор заполнился любопытными людьми. Все откровенно удивлялись при виде такого огромного сома. Каждый уговаривал моего отца сфотографироваться возле большой рыбы.

Причём фотографировались все не бесплатно. Так что к обеду мой отец заработал так много денег, как никогда не зарабатывал за целый месяц работы в своей фотографии в городе.

– Хватит вам рисоваться возле сома, – ревниво, сказал дед. – Наверно поймал огромную рыбу, а не вы? Будем вскрывать этого гиганта. Посмотрим, чем питался сом в последние несколько дней.

Мой отец принёс огромный охотничий нож с рукояткой в виде головы охотничьей собаки. Отец попросил мою маму, чтобы она сфотографировала его в тот момент, когда отец будет вспарывать живот огромного сома.

Мама приготовилась с фотоаппаратом. Отец вспорол живот сома и тут же все шарахнулись от вспоротого живота и желудка гигантского сома. Из желудка сома стали выпрыгивать огромные речные лягушки.

Затем из распоротого желудка вывалились кости маленького ребёнка и разные куски от съеденных у дедушки Гурея приготовленных ворон. Выходит, что бабы не зря судачили.

Сом был людоедом. Сколько он съел людей, точно никто никогда не узнает. После того, как все присутствующие пришли в себя от ужаса при виде костей ребёнка в желудке гигантского сома.

Дедушка Гурей сказал, что кости ребёнка надо похоронить, а сома разрубить на куски и сжечь в печи кирпичного завода, который находился всего в километре от нашего дома.

Все присутствующие согласились с предложением деда. Кости ребёнка тут же отвезли на кладбище, а сома разрубили топором на куски и сожгли в печи кирпичного завода. С тех пор в воде речки Белка большой рыбы не было. Хотя бы потому, что вскоре на нашей речке исчезли омут и заводь.

9. Прогулка в будущее.

Помню себя в возрасте нескольких лет, когда учился здраво мыслить и нормально ходить, приснился мне странный сон. Будто впервые сбежал из дома, чтобы узнать об окружающей жизни дальше того места, где находился наш дом.

Ведь за пару лет моей сознательной жизни меня всего лишь рас носили на руках через речку в Старый хутор, к нашим многочисленным родственникам.

Всё остальное время моей сознательной жизни провёл у нас во дворе нашего домашнего хозяйства, а также в детском манеже, который был во дворе у забора под огромным деревом тутовника.

Почти все лето с дерева в мой манеж падали сладкие ягоды, которыми питался. Кроме меня в детском манеже были три мальчика и две девочка, которые постоянно плакали от того, что крупные ягоды тутовника падали им на головы и щелкали так сильно, словно щелчки пальцем.

Выбравшись из нашего домашнего двора сквозь дырку в плетёном заборе, следом за псом по кличке Тарзан, оказался в колючем кустарнике, из которого исходили незнакомые мне запахи.

Псу было хорошо, на нём была тёплая меховая шубка, без которой можно было обойтись в нашем дворе в жаркое время дня. Но в кустах шубка Тарзану была в самый раз.

Колючие кусты, словно частый гребень, сделанный из кости, расчёсывал шубку пса. На мне кроме трусов больше ничего не было. Поэтому колючки кустарника раздирали мне кожу до крови и постоянно стаскивали с меня трусы, на которых была совсем слабая резинка.

Подтягивал трусы и лез дальше в кусты. За кустами была зелёная поляна с сочной травой, которая скрывала меня и пса от посторонних глаз. Выбравшись на свободу из кустарников, стал плакать от боли в кровоточащих царапинах.

Тарзану видимо стало жалко меня. Вместе со мной в голос он стал подвывать и зализывать мои кровоточащие царапины своим шершавым языком. В это время было жаркий день, который разморил меня.

Постепенно успокоился. Свернувшись клубком, как пёс, уснул крепким сном. Проснулся от солнечных зайчиков, которые заигрывали со мной, своими отблесками щекоча моё распаренное лицо.

Откуда-то со стороны пробивались первые солнечные лучи нового дня. Ужасно как сильно хотелось кушать. Не обращая никакого внимания на озорной блеск солнечных зайчиков, стал глазами искать, чтобы мне покушать.

Наверно пёс был так же голоден? Тарзан стараясь утолить свой голод, объедая с небольших кустиков какие-то ягоды. Тоже решил использовать себе в пищу ягоды с кустарника.

Если можно кушать незнакомые ягоды Тарзану, то можно, то же самое кушать мне. Ведь мы оба из одной семьи. Когда кушаю дома то, что приготовит мне мама, пёс тоже самое ест со мной.

Мы с ним, как братья или как ближайшие родственники, которые часто навещают нас в гости за наш общий стол. Родственники тоже едят с нами.

Ягоды с кустарника оказались кисло-сладкие и горьковатые на вкус. Также как пёс кривился от неприятного вкуса неизвестных мне ягод, но все равно продолжал кушать ягоды.

Надо было как-то утихомирить свой голод и таким образом набраться сил, чтобы продолжить своё путешествие в незнакомом мне мире дикой природы.

Ведь впереди меня и Тарзана ожидают какие-то приключения, которые не знает никто. Природа здесь какая-то странная, совсем не такая как возле дома.

После того, как утолил свой голод отвратительными на вкус незнакомыми ягодами, то случайно обратил внимание на Тарзана, который уставился своим зрением куда-то в сторону, откуда исходили озорные солнечные зайчики.

Посмотрел туда, куда смотрит пёс и удивился тому, откуда сверкают озорные солнечные зайчики, никак не дают сосредоточиться мне после сна в незнакомой мне обстановке среди дикой природы.

Там было нечто такое, чего мы с псом раньше не видели. Не меньше Тарзана был поражён тем, что было перед нами. Прямо за полянкой и за кустарником с отвратительными на вкус ягодами.

Находилось какое-то сооружение похоже на гранёный стакан, из которого мой отец с друзьями по праздникам пьёт водку.

Вот только этот стакан перед нами был такого огромного размера, что скрывался где-то высоко в небе.

Это от гигантского стакана отскакивали солнечные зайчики и дразнили своим блеском меня и пса. Но сейчас мне было не до солнечных зайчиков, которые мне изрядно надоели.

Мы с Тарзаном любовались прекрасным зрелищем здания, которое было неизвестно нам. Нам ужас как хотелось, проникнуть в это здание. В том месте, где находился наш дом, самым высоким зданием была водонапорная башня, в которую накачивали воду, чтобы затем из водонапорной башни поливать наш огород.

От водонапорной башни из крана во дворе к нам поступала вода, которую мама использовала на то, чтобы варить продукты нашей семье, а также нашему большому хозяйству из животных и птиц.

Мы с Тарзаном несколько раз пытались по лестнице забраться на водонапорную башню, чтобы сверху посмотреть на то, что было дальше нашего двора.

Но мама и отец постоянно снимали нас с лестницы, ведущей на крышу водонапорной башни. Мне и псу, каждый раз драли уши за наши вылазки дальше нашего двора.

Но меня и пса все равно тянуло на подвиги, которые были за нашим домом. Наверно этот гигантский стакан тоже был водонапорной башней, которая давала воду многим дворам?

Вполне возможно, что у этой водонапорной башни есть лестница, по которой можно забраться наверх и посмотреть на тот окружающий нас мир, дальше которого мы с Тарзаном никогда не были?

Пока нет рядом мамы и отца, нам непременно надо забраться на самый верх водонапорной башни и посмотреть на другой неизвестный нам мир дикой природы, где есть что-то новое.

Мы ни стали откладывать своё решение. Крепко вцепился рукой за мохнатую холку Тарзана и с дрожью в ногах шагнул к неизвестному нам строению в виде гранёного стакана.

Рядом вообще не было людей. Все сооружение из стекла сверкало, словно зеркало небесным отражением и своими гранями переливалось в солнечных лучах.

Мне было так интересно смотреть на такое увлекательное зрелище, что, разинув рот и крепко держась рукой за мохнатую холку Тарзана, обошёл несколько раз вокруг удивительного здания, на котором вообще не было никаких лестниц и ступенек.

Вокруг водонапорной башни в виде гранёного стакана вообще ничего не было. Всюду зелёная трава и кубики кирпичей. Мы с Тарзаном уже собирались тем же путём вернуться обратно к себе домой во двор, как вдруг перед нами открылся кусочек стекла размером с дверь в нашем доме.

Дальше за куском отодвинутого стекла была небольшая площадка, которая словно приглашала нас к себе. Мне было страшно войти на эту площадку.

Но моё любопытство было сильнее моего страха перед неизвестностью. Пёс тоже дрожал всем телом и не решился шагнуть первым на площадку. Вцепившись крепко в мохнатую холку пса, с дрожью в ногах сделал шаг вперёд. Едва только мы с Тарзаном оказались на площадке, как сразу за нами закрылось стекло размером с дверь в нашем доме.

Площадка слегка дёрнулась и быстро стала подниматься вверх. Мы с моим мохматым другом оба стали дрожать от страха перед неизвестностью.

Между тем за стеклом стали появляться удивительные картинки, которых мы с Тарзаном не видели даже в самых удивительных цветных снах, которые нам часто снились.

Перед нами были удивительные зрелища. За стеклом открылась удивительная картина из огромных зданий, которые были такие же громадные и красивые, как гигантская водонапорная башня в виде гранёного стакана, где мы сейчас находились.

Внизу в речке плавали удивительные кораблики, которых не было даже в моих книжках со сказками и с красивыми картинками. По улицам катались удивительные машины и такие же удивительно красивые поезда.

Выше гигантской водонапорной башни летали самолёты словно птицы. Все вокруг сверкало в лучах солнца. Самое удивительное было то, что среди всего этого великолепия разнообразных построек и зелёной красоты, шёл самый обыкновенный снег.

Как раз в это время был в одних трусах на движущейся площадке за стеклом. Однако несмотря на то, что за стеклом была зима, на площадке было тепло.

Откуда-то из щелей шёл тёплый воздух. Пока любовался красотой через стекло, Тарзан в это время дрожал от страха всем телом и даже от страха написал на площадке.

Когда привык к удивительному зрелищу за стеклом, то меня вдруг одолел страх, что так буду кататься на площадке за стеклом до тех пор, пока с голода умру и больше никогда не увижу свою маму.

Ведь она сейчас наверно меня ищет, а катаюсь в водонапорной башне вместе с Тарзаном? Даже не думаю, что нас будут искать дома папа и мама. Так же как Тарзан написал от страха на площадку и вместе с псом стал выть во весь голос.

Но нас никто не слышал, так как вокруг был сказочный мир и сплошное движение. Мы болтались на площадке вверх и вниз водонапорной башни до тех пор, пока вокруг нас наступила ночь, которая за стеклом сверкала разными цветами и постоянно увлекала наше зрение до тех пор, пока мы свернулись клубком и крепко уснули.

Ведь ночью дети должны спать, чтобы вырасти большими. Проснулся от того, что меня кто-то поднял на руки, тут же вздрогнул и открыл глаза. Вокруг меня были незнакомые люди.

Все что-то говорили на неизвестном мне языке. Мужчина в тёплой куртке, который держал меня на руках, увидел, что открыл глаза и тут же поставил меня на ноги.

В ужасе от неожиданности отпрянул в сторону и тут же накрепко вцепился в шею своего пса. Тарзан почувствовал опасность и зарычал. Окружающие нас люди отпрянули в разные стороны. Обратно обнаружил себе и Тарзана все на той же площадке, которая катала нас вверх и вниз по огромной водонапорной башне в виде гранёного стакана. Наверно, это ангелы пришли за нами?

В этот раз площадка не двигалась и стекла на площадке открыты с двух сторон. С одной стороны, была улица с прохладным воздухом, почти как зимой. С другой стороны, был какой-то зал из камня с тёплым воздухом.

С обеих стороны было много людей с какими-то аппаратами в руках, на плечах и на палках, как у моего отца большой фотоаппарат. С той лишь разницей, что у моего отца фотоаппарат совершенно другой. Можно подумать, что это люди из другого измерения жизни.

Люди с обеих сторон площадки звали меня к себе. Мы с Тарзаном крутили головами в разные стороны. Мы никак не могли решиться, куда сделать первый шаг к той неизвестности, которая окружала нас.

Шагнуть в открытое пространство, где по-зимнему холодно, а почти голяком в одних трусах. Шагнуть в закрытое помещение, где тепло как летом, но там все закрыто и непонятно как можно будет выйти оттуда обратно.

Мне не хотелось идти туда, где холодно или где нет выхода. Видимо все-таки тепло в закрытом пространстве манит людей и животных чаще к себе, чем холод в открытом пространстве, где можно замёрзнуть и умереть.

Тарзан и, не договариваясь, шагнули в сторону тёплого помещения в замкнутом пространстве. Люди вокруг нас стали расступаться и пропускать нас вперёд себя.

Куда-то в глубину огромного тёплого зала, который сверкал и переливался разными цветами радуги, исходящей от стен, потолка и пола, сделанных из стекла металла и камня.

Мы с псом словно попали в какой-то сказочный мир, в котором было все красиво. Постепенно меня с Тарзаном заманили в какую-то огромную комнату со стеклянными дверями и стенами.

В огромной комнате было много диванов, столов и стульев. Тут же взобрался на мягкий диван и стал с любопытством рассматривать все вокруг себя.

Тарзан сел рядом с диваном и также как стал вертеть своей головой в разные стороны. Нам было интересно открыть для себя таинственный мир незнакомой нам сказки.

Надо было хорошо запомнить пространство и красоту. Когда мы наконец-то привыкли к окружающей нас обстановке, тогда Тарзану принесли красивую тарелку с мясом и красивую чашку с водой.

Пёс подозрительно понюхал воду и мясо. Когда он по запаху убедился в том, что мясо и вода не были отравлены. Тарзан принялся кушать сырое мясо и запивать мясо обычной водой.

К моим ногам в это время прикатили на колёсиках красивый столик с разными угощениями. Также как Тарзан вначале понюхал все то, что было на столике.

Убедившись в том, что еда прекрасно пахнет и пригодна к употреблению в пищу, с аппетитом стал наворачивать за обе щеки, что было на столике. Таких вкусных угощений в нашем доме не было.

Пока и мой мохнатый друг утоляли голод, то мои царапины обрабатывали ваткой какой-то коричневой жидкостью с отвратительным запахом. Помню, что мама однажды мазала мои разбитые колени похожей жидкостью и зелёнкой.

Наверно, это тоже была зелёнка, но только другого цвета? Понимал, что люди хотят мне помочь, чтобы не болели царапины. Поэтому не сопротивлялся и терпел, когда жидкость жгла царапины.

Ведь казаки должны терпеть, чтобы стать атаманами. После еды меня взяли за руку, повели куда-то в другую комнату. Боясь, что меня разлучат с Тарзаном, свободной рукой вцепился в мохнатую холку пса и увлёк его за собой.

Другая комната оказалась спальней. Здесь мебель и стены были белые, как в больнице. Мне принесли красивую майку и маленькие красивые трусики. Красивая тётя сняла с меня мои грязные трусы, голого поставила на коврик.

Тётя обтёрла меня белым полотенцем из бумаги, которая пахла одеколоном. Затем надела на меня маленькие красивые трусики и красивую майку. Меня положили спать в огромную белую кровать, укрытую белыми простынями.

Тарзан лёг спать рядом со мной на коврик. Проснулся от того, что кто-то плакал надо мной. Солёные слезы капали прямо на моё лицо. Открыл глаза и увидел над собой лицо мамы с заплаканными глазами.

Когда мама увидела, что проснулся, то стала целовать и обнимать меня. Мама говорить мне всякие ласковые слова, которые со сна сразу не мог понять.

У меня словно воском уши закрыло. Стал усиленно дышать и глотать воздух, чтобы очухаться от неудобного мне положения. В это время обратил внимание, что нахожусь в густой траве возле кустов, откуда начались мои удивительные путешествия в мир сказки.

Пёс пыл рядом и отчаянно ласкался от того, что наконец-то нас нашли в целости и в сохранности. На этом наши путешествия в загадочный мир удивительной сказки закончились.

– Горе ты моя луковой! – услышал громкий голос мамы, когда мои уши освободились от каких-то пробок. – Где тебя носило целых двое суток? Мы с отцом все овраги обыскали. Подняли на ноги своих родственников и милицию. Сетями проверили речку. Даже на Чёртову гору поднимались, чтобы тебя отыскать. Ну, когда ты станешь нормальным человеком, как все дети нашего двора?

– С Тарзаном катался вверх и вниз в огромной водонапорной башни. – как ни в чём не, бывало, стал рассказывать о своём путешествии с псом в сказочный мир другой жизни. – Там были красивые машины и кораблики. На улице по траве возле домов гуляют лебеди и другие птицы.

– Ты мой фантазёр. – ласково, сказала мама, продолжая меня целовать. – Тебе надо научиться писать детские сказки или интересные рассказы для взрослых людей. Пора тебя научить писать.

– Мама! Обязательно научусь писать и напишу о том, как путешествовал с Тарзаном. – уверенно, сказал. – У меня ещё вся жизнь впереди. Когда-то обязательно буду писателем и художником.

– Писать научишься не скоро, а рисовать и сочинять свои сказки можешь уже сейчас. – строго, сказал папа, подымая меня за ухо на ноги с зелёной поляны. – Сейчас же рассказывай, где болтался с Тарзаном целых двое суток. Откуда на тебе эта одежда? Кто на тебя надел такую одежду?

– Вам говорю, что мы с Тарзаном путешествовали в какую-то неизвестную нам страну сказок. – хлопая себя по красивой майке, уверенно заявил, трогая рукой от отца горящие уши. – Вот если бы Тарзан мог рассказывать, как человек, то он мог бы подтвердить то, что вам рассказываю.

Отец больше ничего ни стал говорить мне. Мама и отец отвели меня вокруг плетёной изгороди через калитку домой. Решили в кругу многочисленных родственников выяснить, где был целых двое суток вместе с Тарзаном.

Затем провести надо мной и над Тарзаном суд, чтобы определить степень наказания за наши путешествия неизвестно куда. Как сказали родственники, чтобы другим детям не было повадно путешествовать куда-то далеко в сказку за пределы собственного двора.

– Вы зря ребёнка ругаете. – заступилась за меня бабушка Нюся, которая была парализована на обе ноги и никуда из дома не выходила, но знала лучше своих младших родственников. – Шурка говорит правду. Он действительно путешествовал в своё будущее, где будет десятилетия спустя. Вам не суждено там быть. Так как это его будущее, а не ваше. Вам нужны доказательства. Разве майка и трусики не доказательство? Шурка говорит правду, что был в другой стране, а вы не верите.

– Нюся правильно говорит. – поддержала бабушка Маня свою младшую сестру. – Прекратите травмировать ребёнка. Все ваше будущее в детстве было войной, которую вы пережили. Сейчас у детей совсем другой мир будущего. Вам даже не снилось то, что ждёт в будущем ваших детей и наших внуков. Все будет совершенно другое вокруг нашего пространства и за его пределами.

– Пускай ребёнок открывает мир своего будущего. – поддержал сестёр дедушка Гурей. – Ему жить в том сказочном мире. Ребёнка не надо наказывать. Он ничего плохого не сделал. Тарзана можно посадить на цепь, чтобы не бегал дальше своего двора. Шурку посадите в манеж к другим детям.

– Пса не надо сажать на цепь. – стал заступаться за своего пса. – Он ни в чем не виноват. Это увёл Тарзана в своё будущее. Если вы посадите его на цепь, то буду на цепи рядом с псом.

Многочисленные родственники стали весело смеяться над тем, что заступился за своего пса. Тарзан все время, молчавший во время обсуждения нашего путешествия, стал радостно лаять, словно одобряя мой поступок в его защиту.

Наши многочисленные родственники, которые находились во дворе нашего дома на общем собрании, вынесли общее решение, что на время ограничат моё передвижение и пса границей нашего двора, чтобы мы вдвоём хотя бы на лето никуда не отправились путешествовать.

Также все родственники вынесли решение сохранить в неприкосновенности до моих детей в моё взрослое будущее красивую майку и красивые трусики, которые надели в моём будущем.

Так хотели родственники, чтобы запомнил на всю свою жизнь, то место, где когда-то был с псом за много десятилетий. До реально происшедших этих событий со мной.

С того моего таинственного путешествия во сне прошли многие десятилетия моей разнообразной жизни. Давно покинули этот мир многие мои родственники, которые присутствовали на общем собрании клана, когда обсуждали путешествие в будущее меня и моего пса.

Вполне понятно, что пса похоронили на много раньше, чем умерли мои родственники. Неизвестно где во времени затерялись красивые трусики и красивая майка, которые достались мне вовремя моего путешествия.

Моё будущее пришло ко мне незаметно вместе с настоящим моих детей. Со времени моего детства весь мир обновился. Стало все именно так, как и мой пёс, видели вовремя нашего путешествия в будущее.

Мир обитания людей стал настолько прекрасен, что сказочный мир моего будущего превратился в привычную реальность. О чём мы раньше не могли даже мечтать, то стали иметь реально в быте. Как говорили мои бабушки, наш окружающий мир изменился во всем. Однажды получилось так, что полетел самолётом в одну заграничную командировку в ту страну, в которой никогда не был. Знал об этой стране только по школьным и университетским учебникам. Иногда читал об этой стране в советской прессе и смотрел некоторые передачи по советскому телевидению.

По советским меркам, то были скудные сведения о мире капитализма, о котором мы знали все только самое плохое. Наяву все в мире капитализма оказалось совсем другое.

В заграничной командировке. Во время поездки от международного аэропорта к гостинице. Среди ночи ничего толком не увидишь. Кроме ярких огней реклам больше ничего не удалось разглядеть.

Поселили меня ночью в гостиницу из четырёх звёздочек. Рано утром меня разбудили солнечные зайчики, которые щекотали моё лицо. Подошёл к окну, чтобы определить источник солнечных зайчиков, которые подняли меня на час раньше положенного по расписанию времени.

Посмотрел в окно на улицу и обомлел. Солнечные зайчики исходили от огромного здания чем-то похожего на гранёный стакан, из которого мой отец пил водку по праздникам, а позже в будни, пока окончательно спился и умер в одиночестве неизвестно где.

Передо мной было то самое здание, которое и мой пёс Тарзан приняли за огромную водонапорную башню из стекла. Решил непременно прокататься на том лифте, на котором катался в детстве с псом по кличке Тарзан. Обязательно там побуду. Однако, это совсем другая история, с которой поделюсь немного позже.

10. Мой первый побег.

Наверно нет ни одного разумного человека, который не имел желание окунуться хоть раз в мир приключений, связанных с путешествием за пределами родного дома?

Вот так было со мной с первого дня, как только научился разговаривать и ходить, а также отличать звуки речи от других звуков, которые окружают нас с первого дня нашего рождения и до конца нашей жизни.

Едва окунувшись в мир разумной жизни, мы тут же стремимся познать окружающий нас мир путём наших путешествий и с помощью различных приключений.

Так случилось со мной, когда мама и отец ушли рано утром на работу, а парализованная бабушка Нюся уснула. Решил воспользоваться удобным моментом и отправиться в первое своё путешествие искать себе приключение.

Конечно, мне доводилось бывать за пределами нашего дома. Больше всего был у родственников в Старом хуторе в Гудермесе, был с мамой на колхозном рынке, где она работала продавцом.

Ездили на поезде и на автобусах к родственникам в разные станицы и города. Но это было совсем неинтересно. В таких походах меня от себя взрослые не отпускали.

Теперь оставшись один во дворе дома, мог свободно отправиться, куда мне вздумается. На всякий случай позвал с собой пса по кличке Тарзан, который мог встать на мою защиту в опасное время моей жизни во время путешествий или даже приключений вдали от дома.

Мы с Тарзаном запасли в дорогу, чем могли. Пёс прихватил с собой самую жирную мозговую косточку, которую он стащил на колхозной скотобойне не далеко от нашего дома.

С собой взял плетёную авоську варёной кукурузы и батон хлеба. Фруктовые деревья с плодами здесь были повсюду. От нашего дома самое лучше путешествие было в Старый хутор и на вокзал в столовую ФЗУ (училища), где в это время работала в столовой моя мама.

У родственников в Старом хуторе и у мамы в столовой был многократно раз. Туда меня носили маленьким ребёнком родители и наши многочисленные родственники.

Поэтому дорогу хорошо запомнил и заблудиться не мог. Даже если бы заблудился. Меня обязательно могли по пути подобрать родители. Когда стали бы возвращаться домой или многочисленные родственники, которые почти все работали на железной дороге и хорошо знали меня.

На таком пути не потеряюсь. Здесь каждая собака меня знает хорошо. Мой путь с Тарзаном должен был проходить через висячий мост на тросах, который висел между берегами речки.

Висячий мост соединял пешеходное сообщение между городом на правом берегу и населённым пунктом на левом берегу речки Белка, где стоял наш дом. Прямо со двора нашего дома было видно висячий мост через речку.

Нам с Тарзаном там никак нельзя было заблудиться. Однако, когда мы подошли к висячему мосту, то сразу поняли, что нам через него не перебраться.

На мосту не было много досок, а канаты так сильно болтались, что можно было с моста свалиться в речку и разбиться об камни. Утонуть в мелководной речке просто невозможно.

Там водички, синичке по яички, а вот разбиться об камни в русле речки Белка, это было совсем просто. Умный пёс понюхал висячий мост. Пометил мост своей мочой, чтобы другим собакам неповадно было сюда приближаться.

Повыл Тарзан у моста, словно шакал ночью на луну и пошёл в сторону от моста. Наверно пёс хорошо знал обходную дорогу, так как в моё отсутствие или по ночам ходил в гости через речку в город к своим друзьям и подружкам, потому что на нашей стороне собак вообще не было? Стая волком загрызла всех собак на скотобойне и у наших соседей.

Остался один Тарзан. Всегда доверял ему, поэтому отправился в обход следом за псом в сторону большого нового автомобильного моста. Там было легче перейти через речку, чем по висячему мосту.

По дороге к большому автомобильному мосту железная дорога и железнодорожный мост через речку Белка. Но через железнодорожный мост нам идти никак нельзя.

Может поезд задавить, и охранники на мосту не пропустят. Ведь железнодорожный мост со времени войны с фашистами охраняли, чтобы никто не мог заложить бомбу под такой мост.

Называли такой мост, стратегическим. Через новый автомобильный мост можно было спокойно пройти. Там был небольшой тротуар, по которому машины ни ездили.

На таком автомобильном мосту не было никакой опасности. На полотне железнодорожной линии приложил ухо на рельсе, чтобы узнать о движении поезда, который мог выскочить из-за лесной полосы и задавить меня.

Даже не успел, отскочить в сторону. Поэтому надо было подстраховаться. Но едва только успел приложить ухо к рельсам, как тут из-за зелёной полосы выскочил поезд.

Буквально скатился от железной дороги в овраг, чтобы не угодить своей бестолковой головой под колесом поезда. Машинист поезда увидел меня и прокричал какие-то плохие слова в мою сторону.

Мало того, машинист показал охраннику железнодорожного моста, что нахожусь недалеко от секретного, стратегического моста. Охранник, который не имеет никакого права уходить с поста, показал мне кулак.

Показал охраннику язык и быстро прошмыгнул через железнодорожное полотно в кусты в сторону автомобильного моста. Тарзан тут же шмыгнул следом за мной и в одно мгновение мы исчезли в густых зарослях кустарника. Здесь была наша стихия.

Мы с псом и с котом Барсиком часто прятались в кустах возле нашего дома. Часто играли в разведчики и в войну с детьми наших квартирантов. Наверно мы с Тарзаном были по возрасту молодые и малоопытные или слишком самоуверенные?

Ведь псу было всего один год от роду, а был всего на два года старше Тарзана. Хотя по собачьим меркам пёс был почти взрослый. Но все равно мы были неопытными детьми. Поэтому заросли кустарника между железной, дорогой и автомобильной трассой оказались нам настоящими джунглями или густым лесом.

Здесь можно было заблудиться даже разведчику без компаса. Мы почти сразу запутались и заблудились в густых зарослях кустарника. Никак не могли выбраться из кустов.

В овраге между железной дорогой и автомобильной трассой, общий шум от движения машин и поездов. Совсем непонятно, где что движется. Словно сверху над нами мчатся поезда, едут машины и летят самолёты.

Всё смешалось в общий гул. Даже идти, куда не понятно. Тарзан весь в колючках репейника. Весь изодранный и оборванный колючками чилижника.

На мне были трусы, майка, панамка от солнца и сандалии. Все изодранно и изорвано. Тут ещё авоська с варёной кукурузой, цепляются за каждую колючку.

Больше нет никаких сил, продираться сквозь кустарник. Надо сесть покушать варёную кукурузу и батон хлеба. Может быть, тогда будет намного легче выбраться из зарослей бесконечных кустарников?

Хоть куда-нибудь выбраться. Наконец-то Тарзан нашёл небольшую полянку, кусочек зелёной травы между кустами. Не дождавшись меня, пёс развалился на всей зелени, а на свободное место положил любимую косточку, которую всю дорогу тащил в зубах.

Отдышавшись от долгой ходьбы по кустам, пёс принялся грызть свою косточку, от которой исходил отвратительный запах. Можно подумать кто-то издох.

Стараясь как-то поместиться на траве рядом с псом, с трудом отодвинул Тарзана ногами к кустам и сел рядом с ним на траву. Наверно от моей сваренной утром кукурузы пахло так же отвратительно псу, как мне от его любимой косточки, корову которой освежевали вчера?

Мы оба развернулись в разные стороны и принялись наслаждаться приятными нам продуктами, чтобы утолить давно наступивший голод. Здесь даже плодов год и фруктов не было, чтобы перекусить в пути.

Насытившись своими продуктами и немного отдохнувшие, мы обратно ринулись в кусты, чтобы найти себе там какие-то приключения. Однако приключения спрятались куда-то в кусты и не появлялись перед нами почти до самого вечера.

У меня давно не было никакого желания искать приключения. Хотелось выбраться из кустов и добраться до своего дома. Там сейчас мама пришла домой и готовит мне манную кашу или отец привёз от родственников жирный балык осетрины. Когда солнце стало клониться к закату в сторону Чёртовой горы, мы с Тарзаном окончательно измотались за целый день блуждания по кустарникам в огромном овраге между автомобильной трассой и железной дорогой. Так и не найдя никакого приключения за целый день, мы наконец-то нашли новую небольшую полянку, густо заросшую спелой земляникой.

Оба голодные, принялись обедать землянику прямо с травы. Никогда не думал, что собаки любят кушать землянику вместо мяса. Но видимо голод, ни тётка, когда достанет, то будешь кушать все, что попало тебе под руки.

Точнее под ноги. Лишь бы не быть голодным. Если бы вместо земляники нам попались на полянке сочные косточки с отвратительным запахом, то также вместе с Тарзаном сейчас наслаждался сочными косточками, чтобы только утолить свой голод и не умереть в кустах от своего голода.

Мысли о том, чтобы выбраться из зарослей кустарника, давно покинули нас. Насытившись сочной и сладкой земляникой, мы стали искать место своего отдыха на время ночи.

Чуть дальше от земляничной полянки были какие-то развалины, густо поросшие кустарником и молодыми деревцами. Мы направились туда в надежде на то, что там найдём себе место к ночлегу и с высоты развалин утром определим своё направление, чтобы выбраться из зарослей кустарника к своему дому, где нас уже давно наверно искали родители?

Представляю, что дома творится баз нас! К нашему общему удивлению, развалинами оказалась огромная русская печка. Точно такая русская печка, как в сказке «По щучьему велению», где Иванушка дурачок отправился на русские печки к батюшке-царю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.